

По
ХРУСТКОМУ
льду

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНЮЮ
БРАНЬ

КЕША ВЕРЕНТЕЕВА

18+

Кеша Верентеева

По хрупкому льду

<https://litres.ru/73949559>

SelfPub; 2026

Аннотация

Шон Райт — молодой звездный форвард одной из самых известных команд НХЛ, для которого хоккей, адреналин и всеобщее обожание — смысл жизни. Его уверенность кажется непоколебимой, пока страшная авария не отнимает у него всё в одно мгновение. Теперь ему предстоит заново научиться не только ходить, но и жить без единственной опоры.

Сайла Джостен — целеустремлённая чемпионка-легкоатлетка, которая давно поставила крест на личной жизни. Она презирает Шона за его показное высокомерие и живёт по строгим правилам, главное из которых — никогда не подпускать к себе таких, как он.

Их пути пересекаются в момент кризиса — без хоккея он не чувствует себя собой, а его помощницей на пути восстановления становится... Сайла. Вынужденное соседство в загородном доме заставляет их увидеть друг друга под иным углом.

Иногда, чтобы встать на ноги, нужно сначала позволить себе упасть. А чтобы полюбить — перестать бояться боли.

Они готовы к первому. Но готовы ли ко второму?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	48
Глава 5	62
Глава 6	76
Глава 7	88
Глава 8	101
Глава 9	116
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Кеша Верентеева

По хрупкому льду

Глава 1

Тяжелый вздох, и нащупав телефон, я сбрасываю звонок. График как у робота: подъем в одно и то же время, контрастный душ, завтрак и далее стадион. Два часа на льду, перерыв, силовая в зале и затем разбор собственных ошибок. Так ставятся рекорды, и создается имя спортсмена. Мне нельзя отвлекаться. Мне некогда отвлекаться.

Запустив пальцы в светлые кудри, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, сразу выпрямляясь и натягиваю улыбку на лицо. Именно этого от меня и ждут.

– Райт, тормозишь.

Бросив взгляд в сторону капитана, кривлю губы в усмешке и шутливо ему кланяюсь, ступая на лед. Команда уже приступила к раскатке, разминаясь, после чего идет отработка передачи пасов и только затем ведение шайбы между конусов. Сезон только начался, но команда начала тренироваться в полную силу едва объявили первые игры.

Совсем недавно команда потеряла одного из главных форвардов и все заметно напряжены, пытаюсь восполнить брешь в нападении за счет новой стратегии. Ошибки прошлого

сезона, не давшие команде побиться за звание чемпионов в плей-офф¹, повторяются раз за разом, из-за отсутствия Джонсона в качестве нападающего. Это понимает каждый в команде и тренер взял курс на усиление защиты, пытаясь компенсировать потерю в атаке.

Команда учится играть заново – потеря одного из нападающих заставляет перестраивать связку и искать новые решения на льду. Тренер внимательно наблюдает, подсказывает, требуя от игроков гибкости и точности. Это заставляет и меня сосредоточенно следить за движением шайбы и партнеров, эффективнее участвуя в розыгрыше и мгновенно оценивать ситуацию. Мои броски остаются точными, несмотря на сложности в командной игре.

Тренер свистком останавливает тренировку и подходит ко мне, обращая внимание на ошибки:

– Забыл как играет Мэттьюз? Он давит на опорную ногу. Бросай в ближний угол, а не в грудь. Повтори.

Чем ближе первый матч, тем активнее тренировки, и я прекрасно понимаю: мой дуэт с Хейгером – временный эксперимент. Тренер проверял в матчах предсезонки, сможет ли новичок вписаться в наши комбинации. Но после трех проваленных выходов из зоны стало ясно – Хейгеру пока не место в стартовом звене.

Мы вынуждены перестраивать комбинации, проверять кто с кем и как играет, чтобы эффективность нападающих и наши привычные маневры работали как надо. Хейгер со

мною играет со скрипом, видно, что ему сложнее подстроиться под привычный темп нашей с Джонсоном двойки, где мы стремимся в быстром ритме не допускать преимущества соперника, используя распасовку и постоянно работая на атаку по воротам.

– Первый матч уже завтра, ты выходишь в первом периоде, твоя задача забить первым, а дальше передаешь инициативу, – подчеркивает Карвер, когда я возвращаюсь на скамейку. – Меньше силовых, больше бросков. Не выпендриваться. Услышал, Райт?

Не говорю ничего вслух, лишь молча киваю. В регулярке нельзя сдерживаться, и играть в полсилы – в прошлый раз нам это стоило места в плей-офф, проиграли буквально несколько очков сопернику, пропустив их вперед. Однако при этом, на первых матчах тренер дает возможность новичкам показать хорошую игру. С началом чемпионата тренер решил дать Хейгеру еще один шанс проявить себя, несмотря на сложности в предсезонке – у брюнета хороший потенциал, но слишком мало времени, чтобы дать ему время научиться играть как надо во взрослой лиге. Будет разбираться в ходе сезона. В прошлом сезоне Флорида выпустила на лед в конце регулярки нового игрока и спустя три пустых матча парень принес неожиданную победу. Может тренер и ожидает именно этого от нашего новичка.

“Нью-Йорк Найтс”, команда с одной из сильнейших защит на восточном побережье, и каждый год подтверждают свое

название, охраняя ворота словно рыцари замок. Как сейчас помню свой драфт: мы с Аароном, как дети мечтали о контракте, кто станет их первой командой во взрослой лиге, и у нас текли слюнки именно на "Рыцарей". Мне повезло, именно они взяли меня к себе и буквально исполнили мечту едва ли не каждого молодого хоккеиста. Аарон же стал игроком славного Детройта, которому не везло последние сезоны и они выбывали в первом этапе плей-офф.

После небольшой паузы снова выхожу на лед, буквально вальсируя вокруг конусов, постепенно привыкая к нагрузке и темпу на льду. Сконцентрировавшись на тренировке и ноющих от нагрузки мышцах, с трудом слышу сигнал к окончанию тренировки и направляюсь в раздевалку вслед за остальной командой, погружившись в свои мысли. Некоторые новички уже в нетерпении первой игры, буквально ловят каждое слово ветеранов команды. Просто невозможно удержаться от смешка, да, я был таким же буквально пару лет назад, с таким же щенячьим восторгом на лице, пока первая игра чемпионата, после простой предсезонки, не поставила на место.

Это было не фиаско, но первый период против серьезно настроенных соперников "взрослой" команды, четко показал разницу сил и умений. Это чуть не продавило меня, однако мне повезло "словить" любовь фанатов своей команды, с моей излишне миловидной и не "хоккейной" внешностью...

Да, я совсем не похож на жесткого нападающего с ямоч-

ками на щеках и золотыми кудрями, но тут все вопросы к маме с папой и их генам. На льду я быстро стал звездным новичком, в мгновение ока взлетев в турнирных списках на уровень не просто игроков, а настоящих легенд хоккея. понадобилось несколько лет в лиге, чтобы имя Шона Райта и его номер семнадцать стали иметь вес. И как же я чертовски горд тем, чего достиг за столь короткое время.

В раздевалке после тренировок шумно, мокро и обилию голых накаченных задниц позавидует любой мужской стрип-клуб. Парни бурно обсуждают будущие матчи, с заметным предвкушением перед регулярным чемпионатом. Скоро начинается очередной год борьбы за кубок Стэнли. Канадец Дрейк Карвин, наш центровой, один из старичков команды со снисходительной улыбкой смотрел как кипит энергия в молодых игроках, попавших в команду после драфта, что еще не успели сыграть во взрослой лиге. Он также смотрел на меня в первый год. Парень замечает как я на него смотрю и салютует мне бутылкой воды:

– Что, Райт, готовишься к очередному сезону рекордов? Чего нам ждать от тебя завтра, парень?

Отвечаю ему сдержанной улыбкой, одеваясь. Так получилось, что четвертый год я умудряюсь побить какой-то из старых рекордов НХЛ и СМИ раздули из этого целые инфоповоды. И теперь публика ждет, что будет в моем юбилейном, пятом сезоне.

– Кто знает. Победы?

– Как всегда, – расхохотался Оуэн Диксон, хлопая меня по плечу. Я едва не свалился со скамьи от тяжелой руки защитника.

Постепенно раздевалка пустеет, я выхожу одним из последних, благодаря вселенную, что уже нет нужды таскать за собой всю снарягу туда обратно, как было до попадания в профессиональную команду. На выходе из здания MSG-центра замедляюсь, надевая кепку и сильно опуская козырек, и сверху для надежности капюшон. У дверей уже дежурят журналисты, в преддверии первой игры вылавливая спортсменов. Сейчас никого из СМИ не пускают на тренировки и практически не дают комментариев. Нельзя допустить провокаций со стороны журналистов, и без них хоккеисты напряжены перед играми.

Бросаю беглый взгляд в сторону толпы у здания, охрана уже вмешивается отгоняя журналистов и, пользуясь этим, проскакиваю к своему внедорожнику, со скоростью пули выезжая с парковки. Несколько человек пытаются догнать машину, но к моему везению, безуспешно. Хочется надеяться, что другие игроки тоже смогли избежать пристального внимания СМИ. Особенно Хейгер, новичок едва ли сталкивался до этого с таким напором журналистов, которым нужна информация, и которая впоследствии всегда переворачивается вверх ногами для усиления напряжения между командами. Нередко это приводит к открытым конфликтам, как на льду, так и за его пределами.

В прошлом сезоне из-за неприкрытой лжи со стороны медиа игроки Филадельфии и Джерси начали крупную драку на льду. Аарон чудом избежал участия в потасовке и штрафа, который наложили на игроков обеих команд. Вслед за хоккеистами под раздачу попали и журналисты – против СМИ подали серьезные иски за ложь и подстрекательство. Это стало одним из громких скандалов современного хоккея. Поэтому пришлось кучу времени слушать предостережения менеджеров перед началом сезона.

Уехать от арены проблема не меньшая, чем сбежать от журналистов у Мэдисон Сквер Гарден в самом центре Нью-Йорка. К моему счастью это была последняя тренировка сегодня, и я с откровенным удовольствием могу покинуть Манхэттен и двигаться в сторону Гудзона. Но сейчас я все равно вынужден стоять и по картам пытаться понять лучший маршрут для себя, тихо ругаясь себе под нос, что до сих пор сомнительно ориентируюсь в этом городе.

Пока я безуспешно пытаюсь найти хоть одну улицу, где есть движение, на телефоне всплывает уведомление:

Аарон Дрейк:

“Первая игра регулярки против Питтсбурга. Готов?”

Дурацкий вопрос. Готов я или нет, это роли не играет. Важно как я выйду на лед, отыграю, сколько очков принесу команде. Игра уже завтра. Убедившись, что передняя машина так и не двинулась, беру телефон в руки и отвечаю другу:

Шон Райт:

“Готов”

Немного подумав и вспомнив расписание, дописываю вдогонку:

Шон Райт:

“Вы тоже играете против них первый матч, вскоре после нас”

Расписание первых матчей успело всех удивить и заставить грязно выругаться. Первый матч на чужом льду это всегда плохо – пока соперники получают поддержку своих фанатов, твоя команда получает только дополнительное напряжение. А если вы проигрываете матч, это сказывается на следующих играх, команда получает вместо сил на дальнейшую борьбу, жестокий удар о борт, теряя равновесие сразу после первой игры.

Выруливаю на 10-ю авеню, выругавшись попав в следующую пробку. Телефон вместо очередного уведомления выводит звонок, и на весь салон раздался трек Devil in Disguise – Marino. Идеальный саундтрек для моего друга.

– Ну привет, Блонди.

– И тебе, Дракон.

Старые прозвища, которые намертво прицепились к нам с детства. Со мной то все понятно – кудрявый блондин и, помимо лучшего друга, кто только не называл меня “блондиночка”, правда не каждому нравились последствия. А у Аарона еще проще – сокращение его фамилии, что уже во взрослом возрасте дало устойчивую ассоциацию с драконом

и подарило седьмому номеру аналогичное прозвище в медиа.

– Значит Питтсбург.

– Да, мы на их поле начинаем сезон.

– Плохой знак, – заметно устало вздохнул парень. – Я приеду. Если расписание позволит.

– Ты, черт возьми, в Джерси. Нахрен тебе в Питтсбург?

– Недолго, как на байке до Нью-Йорка, – расслабленно произносит Аарон. Почти уверен, что он уже продумывал варианты.

Аарон Дрейк, сейчас герой “Джерси Дрэгонс”, невероятный нападающий и личная заноза в моей чертовски очаровательной заднице. Мой единственный и неповторимый лучший друг, родом из летнего спортивного лагеря, в котором мы встретились еще в школе. Почти десять лет взаимного сарказма, дружеского соперничества. В хоккее сложно сохранить дружбу на расстоянии, и на несколько лет мы практически полностью потеряли контакт после драфта, когда я заключил контракт с Нью-Йорком, а Аарон с Детройтом.

И когда Дракон заключил новый контракт уже с Нью-Джерси, общение удалось восстановить – теперь нас разделял только Гудзон и буквально пара часов между городами. К нему мгновенно прицепилось немного ироничное прозвище “дракон среди своих”.

– Кстати, я давно не был на вашей невероятно крутой арене. В последний раз на баскетболе, – он сделал паузу и усмех-

нулся. – В январе. Между нашими матчами.

– Пожал руку Майклу Джордану?

– Боялся перетянуть внимание на себя, – со смешком ответил Аарон.

– Сама скромность, – ворчу, сворачивая с улицы. Я уже битый час пытаюсь выехать с Манхэттена и случайно не оказаться в другом районе. – Чертов город...

– Ты понимаешь, что ты наверное единственный игрок "Рыцарей", который какого-то хрена живет в... Бергене.

– Там тихо, – пожимаю плечами, хоть и никто меня не видит. – И спокойнее. А это то, чего я желаю больше всего после тренировок и матчей. Нет фанатов. И...

– Я понял. В этом со Сло вы похожи точно. Как она?

Упоминание сестры заставило сердце болезненно сжаться. Крошка Слоан недавно отметила двадцать три года и уже несколько лет живет на другом конце страны в Сиэтле, если обычные семьи пытаются собраться вместе на День благодарения или Рождество, то мы не виделись уже года два точно, только телефонные разговоры. Даже во время моих игр в Сэтле у нас не выходит встретиться. Девушка, стараясь, отгородиться от других, дистанцировалась и от родного братишки, что только делало ситуацию для меня плачевнее.

– В порядке. Насколько я знаю. Мы, давно не разговаривали. Но я хочу в межсезонку ее привезти, – делаю паузу.

– А нужно ли это ей?

Вопрос не застает врасплох. Конечно, я постоянно спра-

шиваю себя об этом. Вздыхаю и отвечаю другу:

– Надеюсь. Ну это так, предварительный план...

– Ты ведь ни разу не рассказывал, почему она уехала.

– И не расскажу, Дрейк. Ни тебе, ни кому-то бы ни было.

Это безумно, сука, личное.

Я едва замечаю, как мой тон становится жестче. Я не терплю компромиссов, когда речь идет о сестре, и у Аарона хватает мозгов не давить, переведя наш разговор в другое русло. Мы обсуждаем расписание матчей, тихо ругаясь то на непрерывную игру в течение четырех дней подряд, то на полторы недели без матчей. Для хоккейного сезона это и норма и одновременно большая проблема – спортсмены то едва успевают передохнуть между матчами, то потом вынужденные длительные паузы, которые усиливают напряжение игроков и оказывают влияние на результаты идущих сразу после перерыва игр. Уже не первый год сталкиваюсь с этим и каждый раз переживаю тяжело.

– Я тебя понял. Слушай, если планов на выходные на следующей неделе нет, то мое предложение смотаться на байках во Флориду в силе.

Смеюсь в голос, да, в этом весь Аарон Дрейк, иногда кажется, что у парня всего два интереса в его жизни – хоккей и байки, и иногда они умудряются пересечься. Например, когда у команды Флориды домашний матч, и до города ехать всего пара часов на байках...

– Только на матч?

– пляж, блонди, тоже в плане.

Довольно стону от предвкушения теплого океана, после тяжелых первых игр. Я ведь заслуживаю помечтать о коротком отдыхе? В разгар регулярки это роскошь, которая едва доступна игрокам. Ну и как можно отказаться от столь соблазнительного предложения?!

– О да, детка, – довольно мурчу, выруливая в городок на другой стороне Гудзона. – Тогда я в деле, дукати² готов к путешествиям как никогда. Но если мы попадем в аварию...

– Тренера нас сожрут без хлеба, это ясно, – хохотнул парень на другом конце.

Припарковавшись у небольшого дома в несколько этажей, не спешу выходить, продолжая разговор с другом, которого не видел с начала августа. После межсезонки нужно оперативно влиться в привычный ритм тренировок, матчей и тут просто не до встреч с друзьями, тут бы до дома доползти.

Мы, наверное, разговаривали около часа. Не спешили бросать трубку, делясь даже мелкими событиями, которые произошли в жизни. Алекс, сестра-близнец Аарона, в этом году вернулась в Нью-Йорк, приступив тоже к своим тренировкам. Девушка профессиональная легкоатлетка, и давно не была в родных краях, проведя лето с дочерью и мужем в Европе.

Глушу машину и забираю вещи с заднего сиденья. Кое-как носом нажимаю нужные кнопки с занятыми руками, все же попадаю домой и кидаю все на пол прихожей.

Дом, милый дом. Не могу назвать квартиру маленькой. Я в шутку зову ее “пентхаусом”, из-за расположения на последнем этаже, хотя это и близко не так. Пришлось потратить множество усилий, чтобы сделать место уютным. Здесь всего пара комнат, ванная и огромная гостиная с кухней, ради которой я ее взял, однако на самой кухне в итоге готовлю не так часто как планировал.

Уже по отработанной схеме прохожусь по квартире, собираю разбросанные в спешке шмотки и запускаю стирку. С тоской смотрю на любимый PlayStation, понимая что до весны к нему не прикоснусь и включаю музыку долго выбирая между винилом и стереосистемой, но останавливаюсь на последнем. Не могу назвать себя большим ценителем музыки, скорее любителем со вкусом. Под пластинки, диски выделен небольшой шкаф и я регулярно пополняю свою небольшую коллекцию.

Включаю плейлист с музыкой, где вперемешку композиции от тяжелого металла до легкого инди и расслабленно готовлю обед. План был простой, ополоснуться, пообедать и отрубиться, чтобы уже ночью сесть на самолет до Питтсбурга. Но кровь бурлит в предвкушении первого матча, что значительно затрудняет и так скверную попытку уснуть.

Ступать на чужую арену всегда волнительно, со всех сторон цвета чужой команды: желтый, черный и белый. И всего пара пятен черного с серебром болельщиков "Рыцарей". Что

ж, это уже хоть что-то.

– Да, поддержки кот наплакал, – разочарованно вздыхает Оуэн, осматривая трибуны полные зрителей. – Хреново.

– Не ссы, прорвемся, – привычно отмахнулся Диксон, хлопав друга по плечу. – Не первый матч на чужой арене. Хейгер, не волнуйся – на льду тебе станет абсолютно похрен на то, кто сидит на трибуне, ты их все равно не увидишь, у тебя будет одна задача – не выпускать из виду шайбу. И молю богов, справишься с ней, а то у меня работы прибавится.

Слова защитника потонули в смехе игроков. Его попытки приободрить всегда такие прямолинейные, но это возымело эффект, мальчишка немного расслабился. На такого уровня стадионах ему не доводилось еще играть, не удивительно, что он сейчас немного более растерян, чем все рассчитывали. Даже предсезонка прошла в других масштабах.

По классике перед матчем была небольшая пресс-конференция, посвященная первой игре сезона, и так выходит, что именно “Питтсбург” и “Нью-Йорк” открывают его. Журналисты задавали множество каверзных вопросов, пытаясь заставить игроков нервничать и отвечать неосторожно, но закаленные такими встречами хоккеисты уже знали как реагировать. И как всегда СМИ решили спросить игроков о будущей игре, начав с меня:

– Мистер Райт, что вы скажете о вашем первом противнике?

Тренер по правую сторону напрягся. Не удивительно. Я

могу мило улыбаться фанатам, но когда речь заходит про хоккей держать язык за зубами сложно, а промолчать про соперника невозможно. Прости, Карвер, заткнуть меня не получится.

– Я не против, если они все же будут играть.

Справа хрустнул карандаш. Кажется, тренер зол.

После конференции иду за другими игроками на лед и прежде чем я вышел, меня хватают за запястье:

– Твои слова запомнят. И если мы проиграем, то из-за тебя, Райт, мы станем еще и посмешищем.

– В мой план не входит проигрывать. А в ваш?

Не дожидаясь ответа тренера и выхожу на лед. Бешеные реакции фанатов вызывают улыбки. За кого бы они не болели, Шон Райт остается любимчиком публики. Кажется, меня они называют ретривером из-за кудрей, это даже мило.

– Не слушай их, – подхожу ближе к Хейгеру, что заметно нервничает. – Сконцентрируйся на игре. Все будут пытаться тебя сбить с толку, эмоции чужих фанатов будут бить по тебе. Абстрагируйся. Сейчас ничего нет важнее игры.

– Спасибо, – Хейгер кивает, крепче сжимая клюшку. Я только похлопал его по плечу, возвращаясь к своей разминке.

Первый период начинается сразу бодро, “Питтсбург” стремится забить первым, открывая счет, но не в этот раз. Я, как и планировалось, выхожу на лед в первой двойке и ловко перехватываю шайбу у восьмого номера соперника. Больше

всего я люблю этот драйв, что есть во время игры. Делаю финт и на всей скорости мчусь к воротам “Питтсбурга”, пасуя в сторону Диксона и пробираясь на сторону противника.

Шайба у Оуэна и тут же в него влетает противник, впечатывая в борт. Выругавшись, бросаюсь к ним, едва успеваю перехватить шайбу своей клюшкой, и делаю первый бросок по воротам. Мимо.

По стадиону прокатывается восторженный крик из-за моей ошибки, фанаты соперника ликуют. Черт. Я должен, сука, сейчас забить. Меня заметно начинают теснить, лишая возможности завладеть шайбой. Время первого периода уходит и если я сейчас не забью, то весь настрой команды пойдет прахом. Чувствую груз ответственности за “Рыцарей” и ищу лазейку в защите “Питтсбурга”.

Буквально несколько минут и я уже в центре борьбы за шайбу, в контакте с защитником Питтсбурга. Он пытается неплохо так усложнить мне жизнь и сбить меня с ног под клюшку, но я уворачиваюсь и возвращаю шайбу своим парням. Судьи тут же свистят – на него наложили небольшой штраф за игру высоко поднятой клюшкой. Самодовольно улыбаюсь ему, возвращаясь на свою половину поля.

Другому игроку соперника тоже не везет, меньше чем через минуту раздается свисток. Парень довел дело до толчка – достаточно жесткого, чтобы получить двухминутное удаление за задержку соперника.

Как дар богов просто идеальный пас от Диксона и я делаю

очередной бросок. Сколько их было? Да хрен его знает, их считают за меня. Все что я должен это сделать бросок удачным. Гул заполняет стадион, цифра на табло меняется. "Рыцари" 1, Питтсбург 0. Я открываю счет матча. Игроки даже на скамье орут на всю мощь своих легких, радуясь первой забитой шайбе. Искреннее счастье заполняет меня, видя как команда просто ликует, получив такое нужное им преимущество в игре.

Передышка на скамье, тренер только кивает мне, выпуская на лед следующую связку нападающих. Рано хвалить, мы еще не победили. Парни получили такой нужный им заряд силы и готовы теснить противника на его собственном льду. В этом была тактика – выхватить у них преимущество, заставить сомневаться в себе, и давить-давить, пока не закончится матч. Теперь нужно удержать счет, не дать Питтсбургу отыграться, а только растить отрыв.

Пока сижу на скамье, могу только нервно следить за льдом, ожидая своего следующего выхода. Нападающий соперников неплох, он был в шаге от того, чтобы забить, но "Рыцари" славятся своим вратарем, это наш козырь. Орловский, отбивает все шайбы, что летят по его воротам миновав защиту из Диксона и Биггса, не давая сопернику ни единого шанса. Пока я сижу на скамье, моя команда продолжает вырывать победу из рук "Питтсбурга", забивая еще раз. Со скамьи то и дело раздаются крики тренера, что необходимо увеличивать разрыв, и не давать сопернику продохнуть.

Разочарованный шум заполняет арену. Период закончился с разрывом в два очка, "Рыцари" ведут счет, и сохраняют преимущество на чужом льду. Это хороший знак, осталось продержаться так еще два периода и не дать сопернику и единого шанса забить. Перерыв словно проходит мимо меня, мы обсуждаем стратегию, но я едва могу сконцентрироваться. Тренер настоятельно обращает внимание на то, как нужно вести себя на льду, учитывая, что Питтсбург станет играть злее, и возможно неосторожнее.

– Мы уходим в защиту? – вскинул бровь, внимательно смотря на доску с планом, пытаюсь хоть как-то сфокусироваться на словах тренера.

– Начало периода точно, Райт. Ты выходишь вторым, забей шайбу. У тебя кажется неплохо получается сегодня.

По раздевалке прокатывается смешок, неплохо разрядивший обстановку.

Что ж, действительно лучше всего я именно забиваю. Значит этим и надо заняться. На губах появляется улыбка, тело напрягается в предвкушении.

Второй период пролетает еще быстрее, здесь не было интересных или спорных моментов. Обе команды словно решили играть от защиты, одни чтобы не допустить большего разрыва в счете, другие, чтобы не дать сопернику выровнять шансы. Защитники и вратари отыграли на все сто, не пропустив ни одной шайбы.

А дальше мы получаем чертовски неприятный сюрприз.

Тактика Питтсбурга резко изменилась и в третьем периоде они начали активно бить по воротам, практически не допуская, чтобы шайба оказалась у соперников. Буквально за несколько минут счет стал равным, что одновременно злит и напрягает. Это не дело...

Вижу, как наши игроки начинают нервничать, совершать ошибки. Дерьмово. Я уже едва держусь, чтобы вырваться на лед и показать нашим парням, что есть у нас шанс. Одного слова тренера было достаточно, чтобы я мгновенно выскочил за борт и поменялся с вымотанным Харпером, стукнувшись с ним кулаком. Парень неплохо повысил наши шансы своим последним голом.

В голове мелькают замечания тренера, на что обратить внимание, например, что русский из Питтсбурга, Дьяков, хреново перехватывает, если удар под левую руку.

Пытаюсь воспользоваться этим, передавая пас Хейгеру. Давай парень! Это ведь просто идеальная позиция, чтобы ты принес нам очко. Сердце пропускает удар, когда новичок получает шайбу и делает удар по воротам. Мир словно замедляется до скорости улитки. Одно долгое мгновение и... сигнал оповещает о попадании. Хейгер забил свой первый гол регулярки, и "Рыцари" снова ведут счет.

Команда похлопала новичка по плечу, прошла по борту, стукнувшись кулаками с игроками в запасе и снова вернулась к игре. Еще несколько минут черт возьми. Чем ближе конец матча, тем злее соперник. Крики тренера становятся

громче, атак по воротам больше. Удерживать счет сложно и вот спасительная сирена. Со счетом 3-2 победили "Рыцари".

Стадион взрывается, одни кричат от разочарования, другие от радости. Но все эти голоса, несомненно, вызывают эмоции, будоражат. Мы выстраиваемся в линию, благодаря наших болельщиков за поддержку, и я с облегчением выдыхаю, улыбаясь как безумец, чувствуя, как в ушах стучит кровь, разогнанная адреналином от игры. Мы, черт возьми, выиграли в первом матче!

Пока есть пара минут, мы уделяем внимание фанатам, оставляю пару автографов и делаю несколько фото с нашими болельщиками. Искренне обожаю эту часть после матча, ну кому не нравится получать всеобщую любовь?

После игры на пресс-конференции победителей снова задают один и тот же вопрос:

– Шон, что скажешь о своем сопернике?

– Они играли хорошо, да, – делаю паузу и широко улыбаюсь, не скрывая удовольствия. – Но я куда лучше...

Глава 2

Победу мы празднуем громко. Судя по растерянным лицам стюардесс, они не были готовы к нашему уровню шума после игры. Это традиция, чувствовать первый матч, особенно удачный, особенно с голом новичка. "Рыцари" считают, что это приносит удачу в сезоне. Пока все в открытую отрываюся, наслаждаясь мгновением триумфа, Хейгер выглядит немного растерянным для парня, что выложил на все сто и забил решающую шайбу. Будто это не он, а чистая случайность. Наверное так себя чувствует каждый новичок, который приносит победу своей команде. Я тоже не чувствовал в этот момент себя победителем, игроком, чей гол оказался победным.

Команда во всю мощь легких орет "We are the champions" группы Queen, восславляя свою победу. Наши старички более сдержаны в проявлении эмоций, просто сидят в креслах и подпевают с бутылками холодного пива в руках. За всех отрываюся защитники, Биггс и Тайсон, танцуя в проходах и мешая стюардессам, которые на первом рейсе еще теряются как реагировать на наши безумства.

Обычно я – в самой гуще празднования, но сегодня сил нет. Держусь немного в стороне, отдыхая по-своему, и вижу как новичок идет ко мне, садясь в кресло на другой стороне прохода, и чокается со мной пивом, завязывая свои волосы

в небольшую пальмочку на макушке.

– Спасибо за пас, если бы не ты, я бы не забил.

– Мой друг говорит “если бы да кабы”, – мгновенно вспоминаю эту фразу на русском и залпом выпил содержимое своего стакана.

– Что это значит?

– Бестолку гадать, что было бы, если бы не случилось то, что случилось. Могло произойти что угодно. Ты забил – это круто. Мы победили. И точка. Не думай об остальном.

Вижу, как парень стушевался от моего тона, вздыхаю, хлопываяв его по плечу и улыбаюсь. Совсем не планировал обидеть его.

– Слушай, а как тебя зовут-то?

– Ты серьезно? – он с еще большей обидой смотрит на меня.

– Я все зову тебя Хейгер, но у тебя точно есть имя, – не удержавшись смеюсь. – И после такого гола ты заслуживаешь, чтобы тебя звали по имени.

– Джонатан.

– Значит Джонни.

Со смешком он качает головой, откидываясь в кресле.

– Какой же ты мудака, Райт.

– Вы все равно меня любите, это раз и это неправда сам знаешь, это два. Меня по имени не звали до Рождества если что, – подмигнул парню, которого теперь буду звать Джонни.
– Потому что не заслужил.

– Да ну. Ты же звездой был еще до того как в команду попал.

– Был, а здесь пришлось снова подниматься с нуля и доказывать, что я чего-то стою. Крепись, Джонни это сложный путь.

За пять лет в команде я, кажется, видел достаточно, чтобы так уверенно говорить. У него есть все шансы пройти свой путь к вершине менее болезненно, чем это было у меня и других парней. И где-то глубоко в душе я, наверное, хочу, чтобы так и случилось. До того как мы взлетели, я не прекращая крутил в пальцах телефон, наивно ожидая сообщение. Однако получил его не от тех, от кого хотел увидеть их. Меня поздравил Аарон, его сестра и Слоан с победой, но от родителей так и не пришло ничего. Каждый раз это дико задевает.

Мои отношения с родителями – это идеальный спектакль, где у каждого своя роль. Моя, например, – "идеальный сын, гордость семьи". Мы обмениваемся правильными фразами, а вопрос "как дела?" – абсолютная формальность, в которой нет ни грана интереса ко мне настоящему.

Да, они мной гордятся. По крайней мере, так говорят. Для них это гордость за сына-хоккеиста, чьи медали можно вешать себе на шею, будто это исключительно их заслуга. Но эта гордость живет только в разговорах с чужими людьми. Она никогда не подкрепляется звонком после победы или простым "держись" после поражения. Я почти уверен, что

они не то что не смотрят мои игры – они вряд ли вспомнят, за какую команду я играю.

А стоило мне встать на сторону сестры, как в наших отношениях наступила вечная зима. Мы, конечно, пытались делать вид, что у нас нормальная семья. Но мы так далеки друг от друга, что чужие люди – Дрейки – стали мне куда ближе и роднее. Да и слов поддержки я не слышу ни от кого, кроме них.

Вся наша жизнь – это неэффективные попытки удержать хрупкое равновесие, достигнутое расстоянием и редкими разговорами по праздникам. И от этой всеобщей, тихой отстраненности их немая гордость становится лишь солью на ране.

Телефон снова завибрировал, выводя уведомление – просто напоминание о завтрашнем приеме.

К моменту взлета, опускаю козырек на глаза, надеясь поспать хотя бы пару часов, шум от других игроков был таким, что казалось уснуть тут невозможно. Однако усталость взяла свое и я быстрее, чем ожидал, провалился в царство Морфея и не проснулся до самого приземления.

Сны после тяжелых матчей всегда больше похожи на фантазии психически больного, перемешанные с настоящими кошмарами. Вижу одну и ту же сцену, что после каждой игры проникает в мои сны. Длинный больничный коридор с девушкой в конце, и мне никогда не удастся дойти до нее, стоящей у панорамного окна. Она качается и вот-вот гото-

вится упасть. Из горла вырывается хрип, что вот-вот перерастет в крик и я резко открываю глаза, дернувшись от прикосновения к плечу.

– Прилетели, Райт.

Вид у капитана такой же заспанный, как и у остальных. Остается надеяться, что спросонья он не заметил, что его нападающий весь покрылся испариной после кошмара и чуть не закричал. А то придется идти к штатному психологу, а надо ли оно мне? Вытираю лицо и снова опускаю козырек кепки, спеша к трапу. Святые угодники, до приема оставалось всего четыре часа.

Я едва помню как добрался до квартиры. Скидываю все на пол и просто падаю на матрас, буквально через мгновение проваливаясь в глубокий сон. Ненавижу перелеты, после них всегда как выжатый лимон, и нельзя ничего планировать на этот день.

Сегодня исключение. Даже если я буду умирать – на этот вечер обязан прийти. Я буквально дергаюсь, когда из сна меня выдергивает громкий звук на телефоне.

Будильник придумал тот, кто ненавидит человечество. Я абсолютно в этом уверен и без зазрения совести швыряю телефон в стену. К моей досаде омерзительный звук не прекращается и приходится вставать, выключая звон будильника. Два часа дня. У меня еще куча времени собраться. Медленно сажусь на постели и тяжело вздыхаю, чувствуя как ломит тело и болят синяки. Да, матч был беспощадным, оче-

редное напоминание о том, как тяжело нам достается победа, и почему я черт возьми люблю хоккей.

Прохладный душ приводит меня в чувства и позволяет окончательно проснуться. Сборы занимают не так много времени: я укладываю выгоревшие за лето кудри и надеваю костюм, без галстука, но с кроссовками. Я ненавижу туфли, и даже на официальные мероприятия стараюсь их не надевать. Уверяю, на собственную свадьбу или официальный прием по случаю победы и получения кубка Стэнли, я тоже пойду в кроссовках.

А вот украшения моя слабость – я потратил полчаса выбирая любимые перстни, часы и незаменимая уже потертая золотая цепочка на запястье. Наверное, она самая простая в моем аутфите, но ее подарила сестра, поэтому надеваю ее всегда, снимая только на матчи и тренировки.

Смотрю на себя в зеркало, голубые глаза оценивающе скользят по образу и подмигнув отражению, финальным штрихом поправляю кольцо в ухе и вызываю такси до места, решив, что не лучшая идея садиться за руль.

Здание для сегодняшнего приема выбрали неслучайно – это Первый Мэдисон-Сквер-Гарден, ныне известный как Манхэттен-центр. Оно знаменито легендарными боксерскими матчами, прошедшими в его стенах. Хотя снаружи место казалось скромным, внутри было роскошно: лепнина на потолке завораживала, а интерьер поражал богатством деталей. Помимо красивого убранства, там были известные спортс-

мены, среди которых были и те, кем я сам восхищался в детстве. Мне приятно быть частью этого.

Беру с подноса бокал и наблюдаю за людьми. Это мероприятие прием организованный фондом “The Pocket of Support”³ для своих спонсоров, среди которых множество спортсменов со всего побережья. Я не исключение. Каждый год со своего счета на их перевожу значительные суммы пожертвований. Потому что уверен, талантливые дети заслуживают шанс развить свой талант и добиться чего-то в жизни. В зале действительно огромное количество известных людей, некоторыми даже я восхищался будучи ребенком. Вижу спешащего ко мне совладельца фонда идвигаюсь к нему навстречу с улыбкой на лице.

– Рад видеть тебя, Шон, – мужчина крепко пожимает руку и улыбаюсь в ответ. – Видел твою игру, это было нечто.

– Спасибо, Майк, правда.

Майк Брайт, в прошлом звезда американского футбола, буквально пару лет назад подавший в отставку. Сколько матчей я посмотрел с его участием, сложно сосчитать. Я истинный фанат этого старика. И вот по стечению обстоятельств моим фанатом оказался его маленький сын, Саймон. Он пришел с отцом на одну из моих игр, перед тем как попасть в больницу, и я подарил ему шайбу, которой забил гол. Как сейчас помню, после игры меня встретил Майк и рассказал о болезни сына и своем фонде, его цели поддерживать молодые таланты, столкнувшиеся с травмой. Прямо как Саймон,

который профессионально занимался бейсболом до того, как у него вскрылась болезнь легких.

Я довольно часто провожу время с Саймоном, когда мальчишка находится на лечении в Нью-Йорке и мы оба получаем от этого огромное удовольствие.

– Как Саймон?

– Лучше, с нетерпением ждет вашей встречи.

– Это так тешит мое эго...

Мужчина смеется в голос, похлопав меня по плечу своей здоровенной рукой.

– С чего бы?

– Ну ты легенда футбола, ты мой кумир детства, – признаюсь ему и следом довольно улыбаюсь во все зубы, – а кумир твоего сына я. Представляешь как это круто?

– Вот ведь...

Он не прекращает смеяться, снова хлопает по плечу и уходит приветствовать других гостей. Прибывает все больше спортсменов, и я пытаюсь в толпе найти Аарона и его сестру, зная что они точно должны были приехать, близнецы тоже спонсоры фонда. Однако вместо старого друга замечаю копну каштановых волос. На мгновение я забываю дышать, боясь поверить, что не ошибся и это она. Девушка двигается так, будто плывет и шелковое шоколадное платье прямо струится по загорелой коже. Даже отсюда вижу, как она слегка раздраженно улыбается кому-то знакомому, а у меня... У меня замирает сердце. Это действительно она.

С какой минуты мое простое увлечение Сайлой Джостен стало чем-то большим – я точно не помню. Впервые я увидел ее случайно, на премьере байопика о знаменитом атлете. Тогда подумал, что она – журналистка или родня кого-то из гостей. И каково же было мое удивление, когда Сайлу представили как титулованную чемпионку-легкоатлетку. Она стояла на трибуне и меня поразили ее глаза – глубокие, цвета пасмурного неба. Первый мой шаг – первое приглашение на свидание – получил твердый отказ. Но разве я сдамся так просто?

Я не бабник, но и в монахи себя не записываю. Бывали мимолетные встречи и партнеры на одну ночь – но это точно не про Сайлу. Она не из тех, кого приглашают "на одну ночь". Я с уважением принял отказ и отошел, но когда мы вновь встретились, уже в больнице, где лежал Саймон этой весной, понял: это не просто мимолетный интерес.

У меня младшая сестра и я прекрасно знаю, что любую девушку легко напугать. Если слишком настойчиво появляться в ее жизни, можно быстро превратиться в преследователя. Я понимал это и в тот момент собрал всю волю в кулак, чтобы пройти мимо. Не хотел быть навязчивым и причинить ей дискомфорт. Но судьба свела нас еще несколько раз, в самых разных обстоятельствах, и тогда я уже не упускал свой шанс и снова пытался пригласить ее на свидание. Каждое мое приглашение – отказ, без объяснений, претензий. Аккуратно возводимая стена между нами, что устанавливалась

ею.

Дистанция, которую Сайла держит между нами, действительно словно невидимая стена – мягкая, но ощутимая. Она не спешит подпускать меня ближе, жестко обозначая эту самую дистанцию. Я уже думал отказаться от очередной попытки, но встретился с ней взглядом. Ее глаза, боги, эти невероятные светлые глаза, они были наполнены тоской, не раздражением, неприязнью или чем-то похожим, чего ты ожидаешь, когда в очередной раз приглашаешь на свидание девушку, которая тебе отказала. Тоской, грустью. Чем больше она отстранялась, тем сильнее я чувствовал, что хочу понять ее. Это не отталкивало, а наоборот – только усиливало мой интерес, превращая обычное увлечение в тихую, но непоколебимую привязанность. Во мне просыпалось упрямое, настойчивое желание быть рядом. Понять ее.

Спешно ставлю бокал на поднос ближайшего официанта и иду вслед за Сайлой. Внутри меня будто подростковая робость – слова никак не складываются, а отказ кажется все более неизбежным.

Я уже знаю наизусть каждую ее улыбку, жест. Даже то, как она поправляет волосы, когда нервничает. Но вот понять, что в ее голове – выше моих сил. Знаю, что сегодня в очередной раз облажаюсь, но не могу остановиться. Это мой личный наркотик, надежда, вдруг сегодня она скажет заветное “да”.

Следую за девушкой и окликаю ее:

– Сайла.

Брюнетка останавливается и поворачивается ко мне лицом. В глазах отражается мгновенное узнавание и девушка сдержанно улыбается:

– Райт. Не знала, что и ты будешь тут.

– Не был уверен, что успею после матча.

– Точно, хоккеисты, у вас сезон начался – она выхватывает бокал у проходящего мимо официанта с дежурной улыбкой, и отсалютовывает мне, следом делая глоток шампанского. – Поздравляю с победой.

– Я не ожидал тебя тут увидеть, но откровенно рад этой встрече.

– Да? – в интонации промелькнуло удивление, хоть и в остальном сохранялась ледяная маска. Она сохраняет дистанцию и, к своей чести, не я пытаюсь ее нарушить.

– Да, не ожидал. Видел несколько легкоатлетов, и знаю что среди них будет Алекс.

– Точно, вы друзья, – в голосе проскальзывает непонятная мне эмоция, некая тоска. Девушка отворачивается, бегло оглядев зал. – Я не видела ее, если ты хотел это спросить.

– Не это, но спасибо, учту.

Ненадолго замираю, всматриваясь в ее черты лица, в момент, когда Сайла слегка удивляется моим словам. Сегодня она это делает чаще обычного.

Я всегда теряю дар речи, путаюсь в собственных мыслях, когда смотрю на нее. Честно, первое время я думал, что ме-

ня привлекла необычная внешность Сайлы, пышные каштановые кудри и золотая кожа, с яркими небесно-серыми глазами. Но потом увидел, как девушка ведет себя на публике, вне ее, и это прямо воплощение силы, стати и власти, от которого перехватывает дыхание. Я влюбился в это. В ее поведение, жесты, мимолетную улыбку, которой она одаривает самых близких. Мечтаю, чтобы она также однажды улыбнулась и мне. Возможно я странный.

Под ярким светом люстр она выглядит волшебно. Эта девушка просто не уместается в рамки слова “красивая”, оно кажется недостаточным для нее. Красивая золотистая кожа будто светится под ярким светом, темные брови выгнулись дугой, делая ее безумно красивые свинцовые глаза больше. Не могу перестать думать о том, как она невероятна и не удержавшись выдыхаю, забыв все что хотел сказать до этого:

– Ты великолепно выглядишь.

На мгновение, буквально секунду, на пухлых губах расцветает искренняя улыбка. Она появилась быстро и столь же молниеносно исчезла.

– Собираешься и дальше расточать бестолковые комплименты, Райт? Уверена, тут много тех, кого они впечатлят больше меня.

– Возможно, но если впечатлить хочу я только тебя?

– Сколь самонадеянно, столь же и глупо.

– Возможно, но ты улыбнулась.

– Твоей глупости и наивности.

Чтобы она не говорила – Сайла действительно улыбнулась мне. Может уголками губ, но все же. А значит мое очарование так или иначе работает, а это можно считать победой. Разве нет?

– Это дешевый флирт, Райт. Удивлена, что на него ведутся.

– Я не пытаюсь флиртовать. По крайней мере, не с тобой, – пожимаю плечами и улыбаюсь, – это просто комплимент. Искренний. Я правда считаю, что ты выглядишь невероятно хорошо. Всегда, но сегодня особенно красиво.

Гляжу сквозь толпу – пытаюсь заметить Алекс или Аарона. Их не видно.

– Хотел бы пригласить тебя на ужин.

– Мой ответ неизменен, Райт.

– И не скажешь почему?

Она улыбается и прикасается губами к бокалу:

– А сам как думаешь?

Конечно же не скажет. На мгновение грудь сжимает от неприятного ощущения после очередного провала. Но я лишь понимающе улыбаюсь и вижу, как девушка кивает мне в ответ и, снова отсалютовав бокалом, уходит.

Что ж... Я дождусь следующей случайной встречи с девушкой своей мечты. Сколько слышал советов – будь уверенней, жестче, добивайся согласия... Но не могу. Всякий раз думаю: если бы мою сестру так преследовали, мне бы это не понравилось.

Поэтому я просто смотрю вслед Сайле. И не бросаюсь за ней.

Я просто буду ждать. Не догонять. А просто быть здесь, если она однажды оглянется.

Глава 3

Сайла сводит меня с ума все больше с каждой новой встречей. Даже получив снова отказ, я не могу перестать смотреть ей вслед, от того как эта невероятная девушка плавно движется сквозь поток людей. Конечно, велик соблазн отправиться за ней, взять за руку и добиться ответа, но это будет неправильно и я уже решил так не делать. Может так не кажется со стороны, но я определенно уважаю право девушки на отказ, просто... я не собираюсь так легко отступить.

Беру очередной бокал шампанского с подноса официанта и иду дальше по залу. Светские рауты это как правило довольно нудные мероприятия, но встреча с девушкой значительно приободрила меня. Люди стоят небольшими компаниями, общаясь со знакомыми, которые пришли поддержать фонд. Я откровенно говоря так и не поладил ни с кем из спонсоров, не моего типа люди. Обычно держусь ближе к Аарону и его сестре с мужем, чувствуя себя в их компании максимально на своем месте. А эти люди для меня чужие.

Сейчас я скучая прохожусь по залу, изредка здороваясь со знакомыми людьми. На мое плечо опускается тяжелая рука и не могу удержаться от широкой, довольной улыбки. Аарон Дрейк. Я из тысячи узнаю эту хватку защитника “Дрэгонз”, ладонь словно весит фунтов десять⁴. На глаза бросается еще

один отличительный знак этого парня – дурацкий перстень, который он утащил у меня несколько лет назад. Я купил его на какой-то ярмарке в Китае, как сувенир из Поднебесной. На нем гравировка китайского дракона. Говорил же, люблю цацки, и из каждой страны обязательно что-то привожу интересное. Аарон увидел у меня этот перстень и не упустил случая забрать себе. Снимает его теперь только на льду и безумно любит это украшение.

– Я как знал, что найду тебя ближе к шампанскому, Райт.

– А я знал, что меня здесь найдут, Дрейк.

Парень просто хохочет в голос, и развернувшись я крепко обнимаю своего лучшего друга, которого не видел слишком долго. Аарон Дрейк, невероятный человек, легендарный хоккеист, незаменимый друг. Парень выше меня, шире в плечах, и на шее из-под костюма выглядывает татуировка дракона, которую он сделал на последнем году обучения, решив так закрепить свое прозвище, полученное еще в детстве, на первом нашем выезде в спортивный лагерь. Это занимательная история, как он на смеси английского и русского объяснял что такое "дракон", зато именно тогда я выучил русский мат и если мне очень нужно, чтобы от меня отстали в городе, я активно им пользуюсь.

Наша дружба с Дрейком это одна из любимых тем журналистов: путь от соперников до лучших друзей на льду. Мы же молчим и даже не пытаемся их исправить, нам откровенно все равно кем они выставляют нас в газетах. Из всего что

они пишут правды не так много, да, мы действительно в университетские времена были соперниками – играли за разные команды. Правда нашей дружбе куда больше лет, чем они пытаются говорить.

Мы действительно знакомы уже довольно давно, больше пяти лет точно, играли в разных командах, соперничали на льду и нередко дрались, это вся правда.

– Что-то не так?

– Нет, я чертовски рад тебя видеть. Общался с Майком?

Аарон качает головой и кивает в сторону сцены справа от нас. Надо же, а я и не заметил ее. Майк ходит по ней взад-вперед, читая текст на планшете и бормоча его себе под нос.

– Он уже готовит свою речь.

– О том какое важное дело мы все делаем, помогая юным спортсменам справиться с травмой и достигать золотых вершин, – хмыкнул, буквально цитируя речь Майка в прошлом году.

Каждый год он говорит примерно одно и то же, но это не делает его слова менее значимыми. Каждый взрослый профессиональный спортсмен знает какво столкнуться с травмой и как сложно с этим справиться. А ребенку особенно. И если в наших силах помочь им пройти этот путь легче. Мы будем делать это.

Это одно из немногих, что нас объединяет, людей в этом зале – желание сделать что-то хорошее, особенно для тех, кто действительно в этом нуждается. Для меня это стало спо-

собом отвлекаться от проблем спорта, и благодаря маленькому Саймону я стал завсегдатаем Нью-Йоркского госпиталя, где едва ли не у каждого ребенка есть гипс с моим автографом или наша общая фотография. Мелочь, а дети счастливы, да и мне будто становится от этого легче.

Мой публичный образ – это не всегда я сам, и иногда грань между образом и мной стирается. Такие вещи как благотворительность позволяет разделять эти части жизни, не превращаться в обыденности в Райта, являющегося звездой хоккея. Мне нравится не смешивать Шона и Райта. И хочется, чтобы такого меня видели только самые близкие. Всему миру не обязательно знать, какой я за пределами катка, но этим детям готов открываться.

– Вклад каждого важен, и нельзя преуменьшать ту помощь, что вы оказываете всему нашему сообществу и доказываете, что у спортсменов большое сердце, – строгим тоном наставника Майка, произнес Аарон, широко улыбаясь. – Видел твой матч против “Питтсбурга”, это было мощное начало сезона. Жду не дождусь нашей игры.

– Не жди поблажек. В этот раз я буду еще серьезнее, парень.

Он смеется и взяв бокал шампанского идет через зал, к компании Нью-Йоркских спортсменов. Узнаю команду второй хоккейной команды нашего большого города и пожимаю руку парням, которые тоже поздравляют с успешной первой игрой. Кажется, у них будет игра послезавтра с парнями

из Детройта, старой командой Аарона. Им придется нелегко против “Железных коней”, старичков, что упорно пытаются вернуть себе былую славу. Сильный противник. К слову об...

– Как погодка в Детройте?

– Паршиво, как всегда, – хохотнул Дрейк, прекрасно зная, почему я задаю именно этот вопрос.

Когда мы учились, у него был бурный роман с девчонкой из тех мест. Настолько яркий и быстрый, что буквально за пару месяцев они едва не поженились в Вегасе. Но судьба была милостива к моему другу, и в последний момент он решил все же не торопиться. А еще через несколько месяцев контракт с ним заключил “Нью-Джерси”. Мы не вспоминали об этой истории, пока в новостях не показали ту самую девушку, Эшли, как мошенницу, известную махинациями с замужеством.

Теперь это одна из наших любимых историй и постоянный повод для подколов. Ни одна встреча не проходит без воспоминаний о Детройте! Посмеявшись над этой давней историей, мы идем по залу дальше, встречая разных знакомых. У части игроков сезон закончился, у других, как например у хоккеистов, только начинается. Так что этот вечер для многих идеальное завершение напряженного периода, а для меня возможность короткой передышки.

Я позволяю себе на один вечер выдохнуть, отложить все переживания до завтра. И сегодня просто насладиться про-

исходящим, хоть и не отпускает легкая тревога из-за следующих игр.

– Ты слишком подозрительно молчаливый. Что не так?

– Знаешь, есть дурацкое ощущение Золушки, сегодня я гребанный принц, а завтра буду копать в золе, разгребая гору проблем.

– Тебе не помешает немного отдохнуть и отвлечься. Помнишь я говорил про Флориду? Матч в конце недели и, да, мы поедем туда на своих двоих. Ты не отвертись, блонди.

– Как хоккей поможет мне отвлечься от хоккея? – поворачиваюсь к другу.

– Твоя проблема не в хоккее, уж поверь.

Как будто я не знаю. Я не успеваю ничего ему ответить, как приглушают свет и на сцену выходит Майк, поправляя свой смокинг.

Момент ради которого он собирает нас каждый год. Сказать спасибо за поддержку, которую мы оказываем этому фонду. Показать что мы делаем все вместе. Для меня это способ отрезвить себя, убедить, что я не до конца пропал. С наслаждением слушаю речь старого спортсмена, вижу ту сумму, которую в этом году собрал фонд. Это невероятно.

Вижу такое же воодушевление на лицах других спортсменов. На сцену Майк выводит мальчишек и девчонок, кто-то еще в коляске, на костылях, с масками, они активно проходят лечение. Каждый из этих детей имеет шанс на лучшую жизнь, потому что нам не плевать.

Эта картина самое важное в этом вечере. Показать нам, каждому из присутствующих, какое большое дело мы делаем. Это воодушевляет круче любых речей, и дает силы помогать больше и чаще.

Следующий вечер – снова на льду. Я словно моргнул один раз и уже вместо костюма на мне хоккейная амуниция. Вчерашнего вечера словно и не было, едва осознаю, что вчера я был на приеме в дорогом брендовом костюме, флиртовал с девушкой своей мечты, а сейчас уже на раскатке MSG арены. Ближайшие месяцы в моем фокусе только хоккей, победа моей команды, поэтому стараюсь отогнать мысли о Сайле и ее отказе.

Перед матчами арена всегда заполняется стремительно, буквально час и весь стадион в цветах команды "Рыцарей", давая нам поддержку, которой очень не хватает на выездных играх. Это невероятная энергия, что пульсирует в жилах, помогает совершать невероятное ради наших болельщиков, тех, кто сидят на стадионе и скандируют кричалки, подбадривая игроков. Я уже готов слышать со всех сторон привычные лозунги, что разжигают огонь глубоко внутри и дают невероятное количество сил, чтобы завоевать победу. Именно этого мы ждем завтра, когда будет игра.

– Райт! Спишь на ходу, – рявкнул тренер Карвер, стукнув кулаком по борту. – Не время расслабляться! Возьми себя в руки, черт возьми!

Сжимаю челюсть, тряхнув головой, ускоряюсь на льду и отрабатываю удары по воротам. Завтрашний противник “Вашингтон” и предстоит невероятно сложная игра. В команде лучшие снайперы и легенды не просто НХЛ, а мирового хоккея. Как я могу позволить себе отвлекаться? Ответ конечно, никак. Я крепче перехватываю клюшку, продолжая метко бить шайбами, стараясь обвести нашего голкипера, и попасть в сетку. Раз попадание, два промах. Перед глазами сплошные точки шайб.

Мы уже который год проигрываем “Орлам”, и едва ли пару смогли победить их. Отвратительное ощущение неизбежного поражения, которое словно Дамоклов меч висит над головой и напоминает о себе. Но это не повод сдаваться и опускать руки – “Рыцари” бойцы и без боя мы не сдадимся. Совершаю очередной удар по воротам, который голкипер отбивает и откатываюсь в сторону. На льду рассыпано множество шайб, между которых мы лавируем, и подхватываем клюшкой, отрабатывая приемы, для грядущей игры.

В раздевалке в очередной раз нам напоминают о тактике этого матча, мы знаем, как будет играть “Вашингтон Иглс” и как нам нужно удерживать оборону, чтобы не дать сопернику забивать в наши ворота. Мне в очередной раз тычут, что нельзя оказаться на штрафной скамье, и очень убедительно просят, чтобы я держал себя в руках. Придется слушаться.

– Мы знаем, что Лавцев, их форвард не выйдет в первой двойке, а значит у нас есть преимущество в первые минуты.

А значит мы выпускаем наших звезд – Райта и Эриксона, не давайте им расслабиться, пускай будут в напряжении на протяжении всего дьявольского времени.

Тренер тычет в наш план на доске, красным маркером пометая детали тактики. В параллель мы анализировали первые матчи “Вашингтона” в этом сезоне, отмечая ключевые моменты и слабые места. Я заметил центрального с двенадцатым номером на джерси, парень как танк, движется напролом, и играет очень жестко. Уже в первом матче один из игроков получил случайную травму после столкновения с ним. Не хотелось бы повторить его судьбу.

Фокусируюсь на отрывках матчей, которые мелькают на экране. Практически на каждом кадре тренер делает паузу, тыча пальцем в экран.

– Стоп! – он останавливает запись на моменте, где игрок “Вашингтона”, Шаффер замахивается для броска. – Диксон обрати внимание, он всегда бьет отсюда. Сейв-зона, левая точка вбрасывания, – тренер хватает маркер и делает пометки на доске, красным – путь соперника, синим – зону контроля Диксона. – В большинстве он смещается сюда для удара. Не давай ему отсюда бить. Понял?

Второй тренер, Хирс, берет второй маркер, начиная чертить дополнительную схему:

– Смотри, Эриксон, он получает здесь пас, делает несколько шагов. Из десяти его бросков отсюда семь – по створу, три – в сетке. Твоя задача – не пустить его сюда. Прижми его

к борту, заставь играть в неудобье. Если он окажется в этом радиусе, ты уже проиграл бросок. Меньше бросков у них, больше возможностей победить у нас. Простая математика.

– Сдерживай его в этой зоне, – тренер Карвер отбрасывает маркер, и тот с сухим стуком катится по полу. – Это не просто твоя задача на игру. Это наш шанс.

– Какой шанс против Лавцева? – ворчит Эриксон, скептически разглядывая схему. – Нет, серьезно, какие у нас шансы?

– Охренительные! – Карвер рявкает так, что Эриксон невольно отстраняется. – Если вы, маленькие говноеды, не будете ныть, а будете вкладываться в каждый бросок, как в последний в жизни! Подняли свои задницы и пошли отсюда. Нам нужна победа.

Глава 4

Дни между домом и стадионом сливаются в одно пятно. Сезон уже открыт и сейчас одно событие сменяет другое так стремительно, что я теряюсь в днях и ориентируюсь только на расписание игр и тренировок. На лишние мысли времени нет.

Боковым зрением замечаю детишек, которые прилипли лицом к прозрачному ограждению и держат плакаты с просьбами о шайбе. Делаю очередной круг и подбираю пару для них. Стоило мне приблизиться к мальчишкам, как они засияли и начали весело махать мне рукой. Я бросаю каждому по шайбе и через защиту кричу, чтобы они болели за нас.

Играть на домашней арене... Красиво. Весь стадион в серебре с черным, наших цветах, что будоражит, воодушевляет и дает силы на борьбу на своем льду. Я отвлекся буквально на пару минут, и это помогло мне ненадолго перестать думать о девушке с серо-голубыми глазами, что нарушает мой покой. Прости, милая, но сейчас я буду думать о мальчишках, что пришли на мою игру. Не разочаровать их, мою команду и других болельщиков – сейчас важнее тебя. Ее образ наконец покидает мои мысли и я подхватываю клюшкой следующую шайбу, отрабатывая удары по воротам и распасовку.

На льду появляются наши противники с белоснежным ор-

лом на красной форме. “Вашингтон” перепутать с кем-то еще просто невозможно. Потому что когда выходит их номер одиннадцать... Стадион взрывается. Живая легенда НХЛ, играть с которым на одном льду не меньшая честь, чем в той же команде. Иногда даже не так обидно проигрывать, когда ты понимаешь игроку какого уровня ты уступил. Серб со сложной фамилией, которую я даже не пытаюсь нормально выговорить приветливо улыбается каждому хоккеисту и желает хорошей игры.

Чувствую, что эта игра будет куда интереснее и сложнее прошлой...

Первой тройкой выходит наш капитан Эрикссон, Харпер и Клинтон. Парни, начинают матч, беря основной удар на себя. Игра сразу начинается жестко, даже на скамейке запасных чувствуется, как нападающие “Орлов” давят нас, перехватывая инициативу и забивая первый гол всего за пять минут игры.

Что ж, мы и не ожидали, что победа будет легкой. Период пролетел как по щелчку пальцев, все что я мог, когда меня выпускали на лед, едва заметив шайбу пытаться ее перехватить и бить по воротам.

Против команд типа “Вашингтона”, нам приходится значительно перестраивать тактику. Особенно, после потери важного звена в виде Джонсона в связке нападающих. Бросаю взгляд на Хейгера, он выглядит более уверенным, по сравнению с первой игрой, но также и напуганным давлени-

ем со стороны “Вашингтона”. Это не удивляет. Однако сейчас особенно чувствуется, что мы еще не сыгрались, когда мы с ним выходим на лед.

Защитники "Рыцарей" сегодня играют агрессивнее, надо сбивать с толку форвардов соперников, давая им меньше шансов метко бить по воротам, а лучше вообще не подпускать к ним. Как раз с учетом того, что мы играем не в лучшем нашем составе нападающих. А их нападающий именно это будет делать, стараться не пускать соперника на нашу половину с шайбой.

Заметив мой пристальный взгляд на одиннадцатом номере “Орлов”, меня дружески пихнул в бок Марк Эриксон и ободряюще подмигнул:

– Не ссы, Лавцев не такой страшный, если его остановить. И именно этим мы будем сегодня заниматься.

Лавцев звезда НХЛ, серб, который уверенно продвигается к вершине, к пьедесталу в хоккейном мире. Он играл в самых звездных командах, привел аутсайдера, Техас, к кубку Стэнли, прежде чем его переманили “Орлы”. Он непревзойденный форвард, с лучшей статистикой голов лиги, до которой всем как до звезд.

И вот его мне предлагают останавливать. Смотрю на капитана, откровенно как на идиота, надеясь, что он просто плохо пошутил. Я бы в целом предпочел не лезть под руку игрокам “Орлов”, зная про их довольно агрессивный стиль игры и любовь к силовым приемам. Вчерашний просмотр по-

следних игр “Вашингтона” показал, как в этом сезоне двигается одиннадцатый номер, Лавцев, на каких участках набирает скорость для броска, и где его безопасно останавливать, чем мы и будем заняты во время матча. Я получил команду тренера – использовать против них их же оружие, силовые, не получать штрафов, но вырвать преимущество.

После, уже дома, я сам несколько раз пересмотрел последнюю игру, особенно моменты когда серб выходил на лед, чтобы понять где и как я могу его остановить. И сейчас остается надеяться, что у меня это получится.

– Знаешь, я бы не пытался останавливать его, он как бронейная машина, задавит, – смеется Диксон, второй защитник, вытирая мокрое от пота лицо. – Стоять у него на пути кажется плохой идеей, но такова наша работа, да, Райт?

Усмехаюсь, да, в этом наша работа. Удобнее перехватываю клюшку, готовясь к первому периоду. Настрой старших товарищей, заразителен, и даже я чувствую себя более уверенным, выходя на лед против “Вашингтона”.

Тридцать третий, защитник “Вашингтон Иглс” в попытке задержать ловит штраф на восьмой минуте – игра высоко поднятой клюшкой и на последние две минуты периода мы играем в большинстве, и стремимся воспользоваться этим преимуществом, пока один из игроков наших соперников на скамье. Двойка защитников сменилась на льду, давая выдохнуть Диксону и Тайсону.

Я не знаю, хороший я человек или нет, но точно знаю, что

на льду я чертовски хорош. Едва получаю команду тренера Карвера, перемахиваю через борт включаясь в игру. Всего мгновения на принятие решений, которые либо приблизят нас к кубку в этом году, или значительно уменьшат наши шансы...

Крепче сжимаю в зубах кусок силикона, чтобы не повывивать себе зубы к чертям и включаюсь в жесткую борьбу за шайбу сразу после перерыва. “Вашингтон” не собирается упрощать нам жизнь, а только грубее играет, пытаюсь задавить нас. Благодаря Тайсону шайба снова у нас, но это не помешало центровому, двенадцатому номеру соперников впечатать меня в борт, получить штраф за это и едва не выбить мне плечо.

Я едва успеваю оценить обстановку на льду и сконцентрироваться на этом, рефлексy делают свое дело, позволяя мне уворачиваться от соперников и захватывать шайбу для результативных пасов сокомандникам. В этом матче у нас всего второе удаление, мы неплохо держимся несмотря на агрессивную, давящую манеру игры “Орлов”. Это не сравнится с предыдущим матчем с “Питтсбургом”, когда команда играла в атаку, но не стремилась полностью уводить игру в силовую.

Сейчас жестче, сложнее, я чувствую синяки под формой от грубых приемов “Вашингтона”. Но даже не планирую играть слабее, только ускоряюсь на льду и чаще бью по воротам соперника. К черту все, сейчас важнее победить.

Шайба у меня в клюшке и теперь я главная мишень, ловко уворачиваюсь, буквально развернувшись на 180 градусов на месте, от форварда “Орлов” и бросаюсь к воротам. Легкие раздирает от нехватки воздуха, но я даже не пытаюсь замедлиться, сейчас не до этого. Мимо! Вратарь ловко отбивает мой бросок и это заставляет рычать от злости. Я был так близко к голу! Со злости бью по защитному стеклу и двигаюсь дальше, не спуская взгляда с катящейся по льду шайбы.

И снова удача на моей стороне, шайба будто сама летит ко мне в клюшку. Черт! Не тут то было, ее буквально из-под моего носа уводит игрок в чужой форме, рефлекторно тянусь за ним. Свисток. Судья поднимает руку.

Игра остановлена. Вижу как он подъезжает к микрофону и по всей арене разносится громогласное:

– Номер семьдесят семь, команда “Нью-Йорк Найтс”, задержку клюшкой, штраф две минуты.

Сука... Как же не вовремя. Стоило мне оказаться на скамье, как наша команда в меньшинстве начала сдавать – “Вашингтон” воспользовался ситуацией и забил нам.

Стадион гудит после каждого гола, без разницы какая команда попала в ворота. Каждая забитая шайба вызывает бурю эмоций не только у игроков на льду, но и у фанатов. В этот раз это наш гол, первый в этом сезоне от нашего капитана, и это здорово воодушевляет, давая силы для дальнейшей борьбы. И тут на лед выпускают меня...

Очнулся я только после финального свистка. Проигрыш.

7-3. Дерьмово. Бросаю взгляд на ребят и вижу злость, обиду в их глазах. Поражение на домашней арене это куда болезненнее, унижительнее, чем на чужой. Ощущение, что мы подвели наших болельщиков, разочаровали их. И да, я до сих пор не научился достойно проигрывать. Я ощущаю, что играл на пределе моих возможностей, выдохся, а тело требует серьезной передышки. Словно каждая мышца в теле болит. Это был... Абсолютно другой уровень.

– Хорошо играли, – меня хлопает по плечу Лавцев. – Это был интересный матч.

Вымученно улыбаюсь и киваю. Да матч был хорош. Хоть и паршивое ощущение после проигрыша. Теперь знаю, что я должен стать еще лучше, чтобы приблизиться к уровню игроков типа Лавцева. Как я покажу себя, когда мы встретимся на льду еще раз?

В раздевалке царит молчание, команда чувствует себя не просто подавленной, а буквально размазанной по стенке. Ни у кого нет ни сил, ни желания что-то говорить после такого разгромного проигрыша. Даже самые веселые парни, сидят на скамьях, понутив голову.

Медленно снимаю тяжелую, промокшую амуницию, проверяя себя на предмет травм, которые могли не заметить медики на арене. На левом плече проступал фиолетовый отпечаток от встречи с бортом, на бедре – красно-синяя размытая полоса от случайного щелчка.

– Это не конец, парни, – подал голос Эрикссон. Капитан,

как всегда, старается поддерживать наш боевой дух, даже в самые сложные моменты. Только выходит хреново. – Мы знали, что с “Вашингтоном” будет сложно и мы играли во всю силу.

– Сезон только начался. Выдохните, вы играли хорошо, послезавтра разберем ошибки этого матча и будем готовиться к следующей игре через неделю. Воспользуйтесь отдыхом с умом, – в раздевалку зашел тренер. – Собрали яйца в кучку и вернем “Орлам” кратно этот проигрыш в марте.

Слова тренера сработали куда лучше. Мысль о том, чтобы надрать задницы “Орлов” воодушевляют лучше, чем подбадривание Эриксона после проигрыша. Но лучше ситуацию сейчас это не делает. Вижу улыбки на лицах сокомандников и даже меня отпускает давящее чувство разочарования. На голову опускается тяжелая рука тренера Карвера.

– Покажись медику, Райт. Тебя впечатали в борт сильнее обычного.

– Я в порядке, тренер.

– Конечно, но мне нужно заключение медика, парень, чтобы допустить тебя к следующей игре.

Тренер верно заметил, что удар о борт мог выбить мне плечо, но точнее мы выясним, когда зайдет в раздевалку мисс Трейси Линдт, наш медик, чтобы проверить нас на травмы.

Трейси с неизменным хвостом светлых волос и очками на поллица подходит ко мне и опускается на корточки:

– Привет, ковбой как самочувствие?

Девушка уверенными движениями прощупывает каждый синяк, проверяет сустав плеча.

– Двигай.

Я поднял руку, сделал круговое движение. Все работало, хоть и с легким протестом мышц.

– А это? – она кивает на полосу на бедре.

– Шайба залетела, щиток съехал. Ерунда.

– Не хромаешь?

– Нет.

Трейси делает пометку в планшете и продолжает свою проверку, самая неприятная часть – когда светят в глаза фонариком. По ее команде я прохожусь по раздевалке и повторяю слова.

– Голова не кружится? Тошноты нет?

– Нет, Трейси, просто адски устал.

– Не удивительно, – понимающе улыбается блондинка. – Сотрясения нет, тебе повезло. Лед дома, на ночь мазь, – она кивает на синяки. – Перед тренировкой обязательно, слышал меня, Шон, обязательно, приходишь ко мне в медотсек, на осмотр. Тренеру я тоже сообщу.

– Ты непустишь меня на лед, милая? – улыбаюсь.

– Если будешь не готов, именно.

Несмотря на миловидную внешность, Трейси Линдт один из самых строгих медиков с которыми я работал. Девушка с легкостью сдерживает напор бугаев под два метра ростом,

которые доказывают ей, что готовы к игре.

Красавица Трейси как наш талисман, мы ее нежно любим, ценим и оберегаем, ну и конечно никто из нас и на йоту к ней не приблизится не по делу. Во-первых, нам просто яйца оторвут за секс с персоналом, во-вторых, она слишком очаровательна и одновременно пугающа, чтобы видеть в ней кого-то, кроме как сестру. И самое важное, мы ее действительно уважаем как специалиста, нашего врача и хоть ворчим, но выполняем ее команды.

Закончив с моим осмотром она идет дальше, давая отмашку травматологам, когда подходит к Клинтону, еще на арене он хромал, и ему помогли дойти до раздевалки. Конечно, Трейси уже в курсе этого и начинает осмотр именно с повреждения.

Наконец одевшись, поправляю кепку с логотипом и, закончив все дела после матча, иду на выход с арены, к машине. Телефон разрывается от уведомлений, на которые сложно не обращать внимания. Там ничего нового, часть это хейтеры, желающие сдохнуть из-за проигрыша – спасибо, парни, вы делаете все лучше. Другие это фанаты, которые стремятся поддержать и не дать пасть в пучины разочарования. И пара сообщений в закрытые мессенджеры от близких, Аарон с сестрой, что искренне расстроены нашим проигрышем, Слоан... Я знаю, что моя младшая сестра не смотрит хоккей, и знаю, что она всегда проверяет итоговый счет, кто забил гол и всегда пишет мне после матча короткие сообщения с под-

держкой. Боги, как же я скучаю по ней...

Мне понадобилось несколько часов, чтобы покинуть Нью-Йорк и добраться до дома в Бергене. Тело ноет после матча, но я сейчас точно не готов просто лечь на диван и смотреть в потолок. Нет, я переодеваюсь в чистую одежду, мотоциклетные кеды, серые спортивные штаны и футболку с рубашкой. Проверяю байк, камеру на нем, шлеме и завожу мотор, наслаждаясь тем как он приветливо урчит. Это мой вариант отдыха после тяжелых матчей – Дукати и шоссе. Скорость пускает по венам адреналин, сравнимый с тем, что я получаю на льду. Но все же иной.

Чувствую как ветер бьет в лицо, скользит по моему телу, вызывая табун мурашек, кровь гудит от эйфории которую дарит эта безумная скорость. Не смотрю даже на спидометр, просто прижимаюсь грудью к байку, позволяю реву мотора глушить свои мысли, пока лавирую между машинами на девятом шоссе. Из горла вырывается восторженный возглас, который моментально сносится ветром, и когда дорога пустеет, позволяю себе выпрямиться на скорости и расставить руки в сторону, подставляясь под мощный поток холодного воздуха.

Когда я впервые увидел байкеров в родном Бостоне, это настолько меня впечатлило, что меньше чем через неделю уже пошел на уроки. И еще через месяц я купил первый байк, старенький зеленый Kawasaki⁵, на котором учился ездить. Я его ремонтировал почти каждую неделю, под недо-

вольными взглядами отца, которому чертовски не нравилось, что я трачу время на что-то кроме хоккея, особенно с риском травмы.

Байк для меня это что-то личное, но это не помешало мне в блоге активно транслировать не только хоккей, но и мою байкерскую часть жизни. Спасибо, что идиотов на черном дукати в этом городе достаточно, чтобы затеряться среди них. Рев чужих моторов разбавляет звуки вокруг меня – навстречу мчится небольшая, из пяти мотоциклов, колонна, поприветствовав меня.

На нужном повороте сворачиваю и, захватив в ближайшем фастфуде пачку из десятка бургеров, устраиваюсь на траве в парке, с охренительным видом на сияющий ночной Нью-Йорк. Мне определенно не нравится жить в самом городе, но нравится любоваться со стороны этим роскошным видом.

Скрестив ноги по-турецки, люблюсь городом, жуя бургеры подальше от людей, что гуляют вокруг. Это место для особенной рефлексии, сюда я приезжаю, когда очень нужно подумать и побыть наедине со своими мыслями. Байк прочищает голову скоростью, а этот парк тишиной. Здесь я приводил в порядок собственные мысли после первого отказа Сайлы Джостен и осознавал для себя, что в этой девушке есть что-то и я не готов так просто сдаваться. И здесь же я отдыхаю после тяжелых матчей, как тот, что был сегодня.

Спасибо никто до сих пор не узнал в парне в серой спор-

тивной одежде Шона Райта, что дает мне возможность побыть один на один со своими мыслями и окончательно успокоиться.

Перед глазами один и тот же момент матча, где я упускаю пас, и нам забивают. Это конечно не победный гол, но ощущение, будто этот момент и привел нас к проигрышу. Что я привел нас к проигрышу. Опускаю взгляд на течение Гудзона, сезон только начался, это первый, но далеко не последний проигрыш в регулярке.

Слишком много эмоций, они захватывают как волна, накрывают с головой и я чувствую, что ничего не могу с этим сделать. Стыд, раздражение, обида, разочарование – все смешивается в адскую смесь, которая заполняет меня. Проигрывать тяжело морально, не оправдывать надежды своих фанатов, сокомандников и находить в себе силы двигаться дальше. Может это и звучит пафосно, но жизнь спортсмена это ежедневная борьба – с собой, с системой, соперниками на льду. Даже если ты победил на льду, ты проиграешь в другом и ты должен уметь бороться со своим состоянием. И если не получается бороться – жить и двигаться не смотря ни на что.

Телефон вибрирует и на экране высвечивается короткое сообщение:

Слоан Райт:

“Ты все равно молодец, Шонни. Я тебя люблю.”

К горлу подкатывает горький комок, и глаза застилает влажная пелена. Одно сообщение и держать эмоции в уз-

де уже невозможно. В голове набатом стучит одна-единственная мысль: "Ненавижу проигрывать". Она заглушает все остальное. Я резко запрокидываю голову, не давая слезам предательски потечь из глаз, до боли сжимаю челюсть и как в детстве задерживаю дыхание, чтобы сдержаться. Сейчас не время для слез, для таких эмоций, я должен завтра вернуться на лед и готовиться побеждать.

Ненавижу отвратительное чувство, что я всех подвел, что из-за меня победили соперники. Я мог сыграть лучше, но показал себя на льду недостаточно хорошо, пропуская пасы и не попадая в ворота. Я ведь должен быть лучше, да?

Глава 5

– Шон, клянусь Богом...

– Это не богоугодно, тренер...

Получаю мгновенный подзатыльник от разъяренного Макса Карвера, а со стороны игроков раздалось тихое хрюканье. Приходится прикусить язык, чтобы не выдать очередную колкость. Мы уже пятый час пересматриваем матч, разбирая ошибки каждого и команды в целом. Стандартная послематчевая практика, прежде чем мы снова выйдем на лед.

– Райт! – рявкает тренер. – Время шуток прошло. У нас нет роскоши позволять тебе отсиживаться на штрафной скамье. Меньше ошибок, особенно, черт возьми, под носом у судей, – он отматывает запись назад, показывая крупным планом мою оплошность, задержку клюшкой, удаление и как нам забивают из-за этого гол. До хруста сжимаю челюсть, не отводя взгляда от экрана. Да, это жирный косяк, который стоил нам преимущества в игре. – Еще раз, – он наклоняется ко мне и заставляет смотреть прямо в глаза. – Меньше штрафов, если ты не решил в этом году поставить рекорд по ним, Райт, а не по голам.

– Наша задача сейчас подробно разобрать матч и подготовиться к следующей встрече с противником подобным “Вашингтону” и самими “Орлами”, – вступил второй тренер, Хирс, показывая на доску с нашим планом игры. – Им потре-

бывался один период, чтобы разрушить нашу стратегию, подготовленную против них. И нельзя такого допускать впредь.

Часть слов проходит просто мимо меня, пока тренера бурно обсуждают проблемы позавчерашнего матча. Их просто миллион, начиная все с того же – нет Джонсона, который чертовски хорошо забивал, даже под давлением соперника. Он был нашим лучшим бомбардиром. Хейгеру не хватает опыта играть против команды уровня “Орлов”, он сделал голевую передачу на нашего капитана, но играть под таким давлением ему было заметно тяжело, и это снизило его результативность. Про себя даже говорить не буду, стыд и позор...

Еще с несколько часов тренера подробно разбирают с нами каждую минуту прошлого матча, и обсуждают как будем действовать в следующий раз против “Вашингтона”. Прежде чем окончательно покинуть здание, я выхожу на пустую арену. От льда тянет таким холодом, что из рта мгновенно пошел пар. Я замираю, всматриваясь в гладкую, блестящую поверхность, на которой не осталось и следа вчерашнего разгрома. Лед идеально гладкий, ни единого следа наших коньков. Будто нашего проигрыша и не было.

Всего несколько дней и я снова выйду на этот лед, забуду об прошлом матче, где нас размазали по стенке и буду забивать шайбы, завоевывая победу для “Рыцарей”. Арена снова наполнится криками, как восторга и радости, так и разочарования. Привычные звуки хоккейного сезона.

Закидываю рюкзак на плечо и выхожу на улицу. Солнце уже садится и начинают загораться фонари. Мы провели за пересмотром матча весь чертов день. Проверяю расписание в телефоне и выезжаю в сторону спортивного зала. Прогрыш и синяки не являются уважительной причиной для пропуска силовой, которая занимает оставшееся время дня и круто прочищает мозги. И стоило мне выйти из зала, как практически сразу получаю сообщение от Аарона:

Аарон Дрейк:

“Выезжаем в одиннадцать утра, во второй половине дня уже будем во Флориде, а завтра матч. Посмотрим чего от них ждать в этом сезоне вживую”

Шон Райт:

“Признай, ты хочешь поддержать малыша Тони, что перешел к ним.”

Я читал свежие новости о переходе в другую команду нашего общего знакомого Тони Тейта, парень стал защитником "Флорида Предаторз" совсем недавно и скоро будет первая игра, где он выступит в новом джерси.

Тейт один из тех, с кем играл Аарон в университете, а я был не так близок с парнем, в отличие от Дракона, который был его хорошим другом. Они поддерживают общение и сейчас и, как принято, приходят иногда на матчи, чтобы поболеть за друга. Насколько помню Тони какое-то время играл с Аароном с "Детройт Айрон Хорс", и оставался там, пока Дрейк не перешел в Джерси.

Аарон Дрейк:

“И это тоже. Но в первую очередь отвлекаться и отдохнуть”

Вспоминается шутка: “Как отдыхают хоккеисты во время сезона? Ходят на чужие матчи, прячут лицо под кепкой и орут “Судью на мыло”. Лучшая терапия!”

Усмехаюсь собственным мыслям, сидя на арене Флориды именно с таким видом. Кепка с козырьком и капюшон прячут лицо, да и общая темнота арены не позволяет меня рассмотреть. Мы с Аароном уже отсидели два периода, во время которого “Хищники” показали себя откровенно хреново. И это парни, которые в прошлом году играли в самом финале кубка.

Сегодняшняя игра оставляет желать лучшего, их защита херня, их голкипер не справляется с массивом пропущенных защитниками шайб. Нападающие “Предаторз” ощутимо отстают по броскам от своего соперника и все никак не нагонят их. Черт. Это что такое вообще? Почему так плохо играют в этот раз?

При всем прочем, не смотря на хреновейшую игру из всех что я видел, Тони уже успевает не раз показать за что команда взяла его к себе – он пропускает минимальное количество шайб, выполняя свою задачу защищать ворота. Парень действительно хорошо играет и определенно есть и его заслуга в том, что счет не стал астрономическим, пока другие защитники будто забыли зачем они тут вообще.

Третий период тянется как жвачка, медленно, теряя вкус привлекательности и непременно приобретая отвратительно ощущение резины на зубах. Фу.

– Итак, что терзает твои мысли.

Я сижу, положив руки на перегородку, и внимательно слежу за матчем. Услышав вопрос друга, замираю и откидываюсь назад, чтобы посмотреть ему в глаза. Я сразу догадался: мой лучший друг, как всегда, быстро понял, что со мной что-то не так, и тут же начал разбираться.

Так было всегда. Он первым замечал, что что-то не так, и первым приходил на выручку. Как сейчас помню мой первый проигрыш в студенческой лиге: уже на следующее утро он стоял в дверях моей комнаты в общежитии со связкой пива. Мы проговорили полдня, а потом он смотрел со мной те самые тупые фильмы, которые я обожаю. Аарон всегда знает, как поддержать.

Сейчас он выглядит так же серьезно и обеспокоенно как в тот раз.

– О чем ты?

– Во-первых я видел последний матч, ты играл не в полную силу. И я помню тебя на вечере у Майка. Что не так?

– Это все не важно пока идет регулярка, – отмахиваюсь от друга, снова поворачиваясь к арене, где “Флорида” пропустила еще один гол.

– Блонди, жизнь не делится на сезоны, – мягко, но настойчиво парировал Аарон. – Нельзя вычеркивать две трети года

из-за... работы.

Я вздыхаю, подбирая слова.

– Помнишь, когда Саймон попал в больницу весной? –
Аарон кивнул. – Как раз перед этим я познакомился с де-
вушкой на кинопоказе. Сайлой.

– Сайла... Легкоатлетка Сайла Джостен? – уточнил он, за-
метив мое выражение лица. – Это не такое распространен-
ное имя. Она в команде Алекс и, конечно, я прекрасно знаю,
кто она.

– Никогда не смогу тебе объяснить чем она зацепила, но я
не могу ее выкинуть из головы, совсем. И не собираюсь так
легко отказываться от этих мыслей.

– Тебе отказали, да?

– И не один раз, брат, представляешь. Недавно был оче-
редной отказ, – усмехаюсь. – Я влюбился как мальчишка, –
я уперся руками в борт, глядя на безуспешные атаки "Фло-
риды". – Но я уверен, дело не во мне. Вернее, не только во
мне. Кажется, она отвергает саму возможность...

– Она в целом такая, – Аарон перебивает, пожав плечами.
– Мы не близки, но от сестры кое-что слышал. Так что дело
точно не только в тебе.

– Понимаешь, я бы хотел просто поговорить. Услышать
честное "нет" и понять – почему. Я не преследую ее, не тре-
бую внимания. Всего лишь аккуратно предложил встретиться
пару раз. Хочу дать ей возможность увидеть меня, а не
хоккеиста Шона Райта... а если нет – то хотя бы четко по-

нять, что шансов нет.

– Романтик, – ухмыльнулся Аарон.

– Иди ты. Посмотри, как сам запоешь, когда влюбишься по уши.

Толпа вокруг нас поднимается, как по команде, и мы с Аароном сливаемся с человеческим потоком, что несет нас к выходу. Люди переговариваются, разочарованно кричат, выплескивая гнев за поражение своей команды. Болельщики в джерси “Флориды” ругают бестолкового голкипера, проклинают защитников, и черт возьми, я их понимаю. “Предаторз” отыграли не просто плохо, а откровенно херово, и я с трудом представляю, за что их можно было бы похвалить.

Воздух был густым и горячим от дыхания тысяч разгневанных людей. Я редко оказываюсь по эту сторону баррикад, и мне сложно привыкнуть к этой стихии отчаяния. А наши фанаты так же реагировали после нашего поражения от “Вашингтона”? Уверен, что да.

Со всех сторон доносится ворчание, отрывистый мат, тяжелые вздохи. Аарон идет рядом, плечом к плечу, молча прокладывая путь через море футболок и бейсболок. Слова были лишними – все, что можно было сказать, уже висело в воздухе: команда моего друга проиграла. А еще я только что признался ему, как меня опрокинула девушка моей мечты, и это давит на меня сильнее, чем общее поражение.

– Ладно, – тихо произносит Аарон, придерживая дверь.

– Я поговорю с Алекс. Попробую создать ситуацию, где вы

сможете спокойно встретиться и поговорить с Джостен.

Чуть не спотыкаюсь от неожиданности, и смотрю на друга, не находя слов подходящих благодарности, которые дали бы понять насколько это важно для меня. Парень похлопал меня по плечу, и мы неспешным шагом идем в сторону отеля, где остановились на этот импровизированный отпуск.

Мы идем молча, и, пожалуй, это было именно то, что нужно – молчание, поддерживающее и успокаивающее. Вечерний воздух в заливе влажный, пахнет океаном и, кажется, попкорном из ближайшего кинотеатра. Стадион, оставшийся позади, словно освещает весь город своими софитами. И мы постепенно шагаем в тень.

Мы решили воспользоваться выходными от души – я весь первый день просто лежал на пляже и ничего не делал. Прикиньте, целый день просто... лежать? Это охренительно. Моя единственная забота была – следить за состоянием тату и не сгореть. У Аарона примерно так же, только площадь защиты больше.

Мое тело покрыто множеством историй в виде татуировок, которые я набивал с девятнадцати лет. Абстрактные штрихи, переплетенные с графичными изображениями, орнаментами, что сливается в одну картинку, разбросанную по обеим рукам. Под футболкой, на ребрах слева я набил, наверное, самую понятную тату – свой номер и клюшку. Как правило мои узоры в большинстве своем скрыты под одеждой и снаружи остается лишь малая часть.

А так как я сижу на пляже в майке, то самая большая тату на моей спине защищена одеждой. Этот сюжет может поспорничать с драконом на шее Аарона, на его создание ушло много времени, сил и фантазии – комбинация из скелетов, крыльев и текста, которая складывается в послание, не предназначенное для всеобщего обозрения.

Бросаю взгляд на друга. Он развалился на шезлонге, как большой медведь, а в его случае – дракон. Аарон отбивает пальцами ритм песни, что звучит из колонки. Мы почти не разговариваем, молча любимся видами, отдыхаем от безумия прошедших дней и набираемся сил перед следующими сложными неделями. Устав от бесконечного лежания я разве что беру в руки книгу. Да, я по-прежнему грубый, неотесанный хоккеист на льду, но я искренне восхищаюсь чем-то эстетично красивым: скульптура, архитектура, живопись и я с интересом изучаю эти темы. Моя библиотека заполнена различными книгами и сам я изредка, но выбираюсь на выставки.

Но хорошее не может длиться вечно, и через сутки после матча мы уже мчимся в славный Нью-Йорк на свои тренировки и игры. Дорога обратно пролетает стремительно, мы болтаем через гарнитуру, но чем ближе подъезжаем к городу, тем реже становятся наши слова. Снова в голове куча мыслей: как вести себя перед прессой, на что обратят внимание тренеры на разборе, что я должен делать на льду. Флорида осталась далеко позади, а мы снова врываемся в наш

безумный ритм.

С Аароном прощаемся на выезде из города. Его путь лежал в Ньюарк, мой – в Берген, немного передохнуть после длительной дороги и собраться на арену для первой вечерней тренировки после прошлой игры.

Тренера успели переработать наш план тренировок, с учетом изменений в команде, о которых я узнал от Трейси во время медосмотра:

– Тебе везет, Шонни, синяки уже заметно зажили, да и отдых на солнце пошел тебе на пользу. Другим так не повезло, Клинтон выбыл с травмой, пока сложно сказать сколько игр пропустит.

Это было одновременно ожидаемо после прошлого матча, но и жутко неприятно в самом начале сезона. Он игрок выходящий в третьем звене, значит кого-то выпустят ему на замену и нужно будет адаптировать стратегию. Хмурюсь, понимая, что следующий матч точно будет не легче игры с “Орлами”.

– Будь осторожен, нам нельзя терять еще игроков, – она тепло улыбнулась и похлопала по здоровому плечу, разрешая одеться.

– Я пока держусь как видишь. Цел и здоров.

Отмахиваюсь с шуткой и ухожу готовиться к первому этапу тренировки, разбору последней игры будущего соперника. Последний раз беру в руки телефон и на лице расплывается широкая улыбка.

Аарон Дрейк:

“Через 2 недели, пятница, 16:00, прогулка в Центральном парке, встреча у Эмпайр рок. Не облажайся.”

Что ж... судьба на моей стороне.

Я снова улыбаюсь как идиот и отправляю другу в ответ один-единственный смайлик – огонек. Он поймет. Убираю телефон, хлопаю себя по щекам, возвращая собранность, без которой на тренировке – никуда. Я воодушевлен, взбудоражен и, не буду врать, теперь буду отсчитывать минуты до встречи с Сайлой.

Теперь у меня железная мотивация обыграть "Чикаго", и я, кажется, готов на все ради этой победы. "Чикаго Винд" должны проиграть. Других вариантов нет. Настроение зашкаливает, и я выхожу к парням, наконец-то не чувствуя тяжести после той злосчастной игры.

Судя по виду команды, они тоже взяли себя в руки и готовы надирать задницу следующей команде.

Стукнулся кулаками с Хейгером, приветствуя парня.

– Хорошо отдохнул? – он с усмешкой смотрит на меня. – Ты загорел.

– Два дня во Флориде хорошо сказываются на здоровье, да.

Тренер Хирс щелкает проектором, и на стене загорается схема. Красные стрелки, как следы на снегу, показывают привычные пути "Чикаго Винд".

– Смотрите, – его указка выбивает такт по экрану. – Их

любимый трюк – ложная атака по флангу с резким сбросом в центр. Вот здесь, и вот здесь, образуются "карманы". Биггс, он полностью твой. Твоя задача – их читать и перекрывать.

Становится понятно, против чего мы выходим. Это уже не просто команда, а набор уязвимостей, которые нам предстоит использовать.

Особое внимание уделяется их главному бомбардиру, двадцать первому номеру.

– Он бросает в восьмидесяти процентах случаев с левой половины поля, – голос Хирса становится жестче. – Значит, наша задача – не пускать его туда. Ни на сантиметр. Для него эта зона – кормовая площадка.

Буквально каждый игрок получает своего "подопечного": кого сдерживать, кому перекрывать кислород, а кого и вовсе обводить вокруг пальца. Нам нельзя допустить повторения матча с "Вашингтон Иглс". Мы должны сыграть лучше, чтобы подняться в турнирной таблице и сохранить шансы на кубок. Я внимательно смотрю запись, мысленно примеряя полученную информацию к своим будущим перемещениям.

Только после этого разбора нас выпускают на лед – отрабатывать все на практике. "Чикаго" и правда носятся по площадке, словно шквалистый ветер. И этот гребанный ветер нам предстоит остановить.

Хейгер присвистнул, хватая клюшку. На лед высыпали адское количество шайб, рассыпавшиеся по всей поверхности черными точками. Любимое упражнение, простое в своей ге-

ниальности: вести свою шайбу, обходя все остальные, не задев ни одной, и в финале – точный бросок по воротам. Главное – не терять скорость.

Я беру клюшку, подкидываю шайбу, проверяя баланс, и выхожу на свою траекторию. Руки и плечо быстро закисли от монотонной нагрузки, но это даже кстати – помогает сфокусироваться на задаче, отсекая все лишние мысли. Есть только я, клюшка и череда черных точек, которые нужно обвести.

На небольшом перерыве, пока я пью, ко мне подошел Хирс:

– Смотри, в разборе мы видели, что “Чикаго” использует высокий прессинг и явно будет давить на наших форвардов. Ты бьешь четко, метко, но каждый второй удар перехватывают. Ускорься на полсекунды в ударе, против “Чикаго” и их защиты. Это необходимость, будем отрабатывать скорость твоих ударов, без потерь в меткости, ближайшие дни.

Молча киваю, слушая указания второго тренера. Скорость действительно решающая в игре против этой команды. Получаю дополнительные рекомендации, корректировку своих тренировок в зале на дни перед матчем и, собственно, дополнительные тренировки. Голова уже гудит от тактических схем и графиков, которые занимают не меньше времени, чем занятия на льду и в зале, но с облегчением вижу, что нужный мне слот, под встречу с Сайлой, не заняли ни тренировкой, ни разбором, а значит, все остается в силе.

Черт, а теперь я начинаю нервничать. Странно: выходить на лед перед двадцатью тысячами зрителей – не проблема, а мысль о простом разговоре с девушкой заставляет ладони потеть.

Глава 6

В назначенный день я стою в парке и жду Сайлу. Я не стал выпендриваться и оделся максимально просто – в джинсы, футболку и джинсовку. Хочу, чтобы она увидела меня самого, а не зазнайку-хоккеиста, образ которого она и так знает по репортажам.

Мы победили во вчерашней игре. Буквально размазали “Чикаго” по нашему льду, опустив их на строку в турнирной таблице. Но сезон только начался, и я уверен, что в одну из следующих встреч эти парни из Города Ветров нас удивят. Я чувствую воодушевление после сногшибательной победы, и меня даже не страшит разговор с Сайлой. Хотя меня откровенно волнует, что будет после этой встречи. Я, чертов Шон Райт, сейчас в центре Центрального парка, жду девушку, надеюсь, что меня никто не узнает и не испортит нашу встречу.

Чувствую себя Суперменом в очках, который притворяется журналистом Кларком Кентом. Только роль линз исполняет бейсбольная кепка с двумя большими буквами “NY”. В этом несомненный плюс большого города, вроде Нью-Йорка, – никто ничего не замечает, а я не настолько знаменит, чтобы быть достойным внимания прохожих. И это дает мне возможность понаблюдать за окружающими.

Вокруг гуляют люди: семьи с детьми, влюбленные парочки. Мне всегда было интересно наблюдать за жизнью, кото-

рая кипит рядом. Вот малыш в кепке “Найтс”, едва не свалился в пруд – отец успел подхватить его в последний момент. Смотрю на них и невольно ловлю себя на мысли: а что ждет в будущем меня? Останется ли в нем место для семьи, для тех самых близких отношений, о которых я по-ребячески мечтаю?

Сажусь на скамейку у воды и просто жду, осматриваясь по сторонам.

И вдруг вижу ее.

Сайла идет по тропинке в легком платье, и у меня замирает сердце. Она не идет – она словно парит над землей, и этот образ так резко выбивается из того строгого, собранного имиджа спортсменки, к которому я привык. Мы оба спортсмены, и я как никто другой понимаю: в быту и на публике мы – совершенно разные люди. А в этот момент передо мной была просто умопомрачительно красивая девушка, которая каждым движением сводит меня с ума.

– Ну привет, кудряшка Сью. Что, сменил свою форму на джинсы? – она скрещивает руки на груди. Девушка кажется менее раздраженной, чем в прошлый раз, хоть и видно напряжение.

– Да, я взял выходной от имиджа, – со смешком салютую я, чем заслуживаю сдержанную усмешку девушки, что для меня словно фейерверк. Маленькая победа.

– Я здесь только из-за Алекс, не из-за тебя.

– Я знаю, и правда благодарен за этот шанс.

– Ее брат – настоящая заноза в заднице.

Невольно улыбаюсь и вместе с девушкой иду по тропе в сторону пруда.

– Они близнецы.

– Еще хуже. Боже... Я с одной едва справляюсь, – она цокает языком.

– Я знаю их последние лет... десять, если не больше.

– Вау, – Сайлаа свистит от удивления. – И как нервы?

– Держусь с трудом.

Девушка поправляет сумку через плечо и немного замедляется, бросив взгляд на открывшийся пруд. Ее плечи немного расслабляются и брюнетка тихо выдыхает:

– Я давно здесь не была.

– Насколько?

Она переводит взгляд на меня.

– Пару лет.

Настала моя очередь присвистнуть, хотя и я сам за столько лет игры за "Нью-Йорк Найтс" бываю в парке чертовски редко. После всех тренировок не остается никаких сил на прогулки по паркам, хочется только завалиться в постель и провалиться в сон. Да и мне ближе другой Нью-Йорк – быстрый, безумный ночной город, который живет на скорости 200 миль в час, тот, где я на байке и мчусь по трассе, наслаждаясь ветром. Город сузился до быстрой езды по ночным улицам после игр, залитых светом прожекторов ледовых площадок и шумных раздевалок. А этот парк с его

неспешной жизнью кажется другим, параллельным городом. Тишиной я наслаждаюсь точно не здесь.

Хотя, когда я только приехал в город, время на прогулки находилось, я еще не успел перевезти байк, и иногда на своих двоих знакомился с городом. Тогда я все время возвращался к сравнению города с Бостоном; он казался мне таким большим, незнакомым, пугающим. Я был совсем один, вдалеке от сестры, друзей, и мне казалось, что никому до меня нет дела. Это место дарило успокоение.

Из мыслей меня вырывает голос девушки, ради которой я приехал сюда.

– А сейчас я здесь, потому что меня попросила близкая подруга. И не собираюсь ходить вокруг да около. Давай расставим все точки над “і”.

Сайла внимательно и даже жестко смотрит на меня. Чувствую, что ее ответ мне не понравится.

– Я не буду с тобой встречаться, Райт. Не пойду с тобой на свидание. Не сегодня, красавчик, и не завтра, и даже не послезавтра.

В голосе слышно сдерживаемое раздражение. Тоска в глазах, которая меня манила, сменилась неприязнью, усталостью. Сколько раз я уже пытался завоевать ее внимание? Не менее трех, если считать с момента, как Сайла запомнила мое имя.

Я аккуратно касаюсь ее запястья:

– Я просто хочу пригласить на свидание, Сайла. Чем за-

служил такой резкий и грубый отказ? Я что-то тебе сделал?

– Знаменитые спортсмены все как один. Ты всего лишь мальчик, обласканный славой богатством и уверенный, что он может получить все, что захочет, просто потому что ты Шон Райт, – девушка вырывает руку из моих пальцев так резко, будто я удерживаю ее силой, хотя на деле едва коснулся. – Иногда полезно иметь что-то помимо внешности и умения махать клюшкой. Не все тебе принесут на блюдечке, Райт. И не всем ты должен нравиться потому что ты популярный хоккеист, красавчик. Все просто.

Замираю на месте, теряясь, как реагировать. Любой мой ответ будет похож на жалкое оправдание после ее слов.

"Богатенький, избалованный мальчишка". Так вот как она видит меня. Да уж. Мой энтузиазм заметно поутих. Я дожидаюсь, когда Сайла закончит свою гневную тираду, и наклоняюсь к девушке, давая свой ответ достаточно тихо, но так, чтобы она точно услышала каждое мое слово:

– К твоему счастью, мне откровенно все равно, как меня видят остальные, однако ни на йоту не сомневался, что в твоих глазах я красавчик, – с усмешкой подмигиваю и прохожу мимо девушки. Мне больше нечего ей сказать.

На этом все. *Finita la commedia*. Конец не очень красивой истории об очень красивых чувствах – тех, что я испытывал и буду испытывать к девушке, в которую влюблен до потери пульса. Ее последний отказ я принял если не с достоинством, то хотя бы с честью. Не буду унижать себя и, тем более, ее,

выпрашивая то, чего она дать не может.

Достаю из кармана пачку сигарет, закуриваю, выдыхая дым неровными колечками. Концентрируюсь на этом маленьком, простом действии, лишь бы не думать о только что произошедшем и успокоиться. Я сдержу слово, данное Аарону: один четкий, обоснованный ответ – и я отступаю. Но как же, блять, паршиво слышать это в свой адрес. И откровенно говоря больно.

Как нормальные люди справляются с этим? Когда тебя отшивает девушка, на которую ты смотрел с горящими глазами почти год. Чьи такие красивые, цвета туч, глаза уже начали мне сниться. Девушка, при виде которой ты забываешь как дышать и чувствуешь, что, как у подростка у тебя потеют ладони и ты не можешь связать два слова.

Помните Маринетт из "Леди Баг"? Так вот, Сайла – мой Адриан Агрест. И мне потребовались месяцы, чтобы научиться говорить ей что-то большее, чем "привет", и при этом не заливаться краской. *Amore non corrìsposto*. Моя неразделенная любовь, которую я теперь должен отпустить. И как-то научиться двигаться дальше.

Я выезжаю за пределы Нью-Йорка, пытаюсь оставить услышанное позади. Но не получается. Ее слова впились в меня острее любого конька. Она сказала, что я поверхностный, что во мне нет ничего, кроме внешности. И я прекрасно понимаю: она намеренно била по самому больному, по моему самолюбию, чтобы я отстал. Что ж, у нее получилось.

Я уязвлен в самое сердце. И даже разъярен что только внешность во мне и увидели.

Бью кулаком по рулю, позволяя себе эту крошечную, никем не видимую вспышку ярости. Все это чувствуется так несправедливо. Будто все мои попытки быть... просто собой, "нормальным", оказываются напрасными и никому не нужными. Если даже девушка, в которую я влюблен, не разглядела за ярлыком "хоккеист" ничего большего.

Хоккей – охренительно большая часть моей жизни, и он меня вылепил таким какой я есть и лепит из меня чемпиона. Именно он сделал меня тем Шоном Райтом, которым я стал. Профессиональным спортсменом, который из года в год входит в число лучших форвардов и не планирует сдавать позиции. Тем, кто однажды принесет своей команде Кубок Стэнли.

Даже другая моя часть – весельчак, обожающий громкую музыку, корейские драмы и слезливые мелодрамы, – выросла из хоккея и влияния сестры. Так что, если Сайла не хочет принимать эту, хоккейную, половину меня... Черт с ней. Я не собираюсь ломать себя, лишь для того чтобы доказать ей ее ошибку. Пускай дальше думает, что права. Я действительно влюблен в нее, настолько что не буду доказывать, что она ошибается. А просто сделаю шаг назад.

Вздрагиваю, когда на панели высвечивается иконка контакта со светловолосой блондинкой. Алекс.

– Привет, Шонни. Как прошла встреча? – слышу веселый

голос, с едва заметным акцентом.

– Тебе звонила Сайла?

– Угадал, она сказала, что вы все решили и практически сразу сбросила. Поэтому за подробностями я пришла к тебе.

– Она меня полностью отвергла.

После небольшой паузы слышу тяжелый вздох:

– Ох, милый, как ты себя чувствуешь? – в голосе подруги слышно неприкрытое сочувствие.

– Дерьмово. Начинаю верить в ее слова, что я просто красивый хоккеист без чего-либо стоящего внимания, – хмыкнул я, сжимая в пальцах руль.

В трубке царит затянувшееся молчание, и раздается детский визг, заставляющий мою собеседницу переключить внимание.

– Боги, Ава! Верни на место, папа нас убьет! Подожди, что она сказала?

Этот детский голос заставляет сердце сжаться. Губы сами растягиваются в улыбке, когда я слышу Аву. Моя самая любимая принцесса. Я отношусь к дочери подруге действительно как к самому настоящему сокровищу и не собираюсь менять этого. Эта маленькая кудрявая девочка любит меня настолько искренне, что не могу не отвечать ей взаимностью.

– Как дела у нее?

– Залезает в самые неожиданные места дома, – фыркнула Алекс.

– Дядь Шо! А я тебя все равно люблю, – прямо в динамик

восторженно визжит кроха.

Искренность малышки мгновенно гасит любой негатив. Мне все еще больно, обидно, но желания злиться на отказ уже нет.

– Слышал? Всех конкуренток отобьет. Ава Вирджиния Филлипс, дай мне с Шоном поговорить, папа придет скоро и покажет всю свою снарягу. И может быть... Может быть, Ава, он разрешит тебе что-то взять для игр! Но будет лучше, если ты утащишь его на свое чаепитие...

– Гиперактивность?

– Дэниель уехал по делам, и она начала сходить с ума. Дайте мне сил...

Дэниель Филлипс, американский регбист и для меня до сих пор загадка как их пути с Алекс пересеклись и буквально за два года с момента знакомства они поженились и у них родилась крошка Ава, которая буквально строит всех мужчин семьи и не только. Я знаю, что хоккейная команда Дрейка тоже выдрессирована этой бодрой малявкой, а про себя я вообще молчу. Я тот самый дядя, который не умеет говорить нет, когда слышит детское писклявое “ну, пожалуйста, дядь Шо”. И я не собираюсь даже пытаться ей отказывать. Никогда в жизни, у этой девочки от меня будет все самое лучшее.

– Я могу приехать, помочь, сегодня свободный день.

– Шонни, я всегда благодарна и рада твоей компании, но сейчас мне надо дождаться мужа и потом провести серьезный разговор с подружкой, – довольно строго произносит

Алекс. Она редко разговаривает таким тоном и, значит, она адски зла. В последний раз, когда такое было, она получила олимпийскую медаль – спортсменка другой страны отпустила едкий комментарий в ее сторону, кажется, там что-то было про ее мужа. – Мне жаль, что тебе пришлось выслушать очень неприятные вещи в свой адрес. Ты этого не заслужил. Я хотела помочь, чтобы вы поговорили, и не думала, что Сайла решит перейти в оскорбления. И считаю это неправильным.

– Все в порядке, Ал. Я не хочу, чтобы вы ругались. Это наши взаимоотношения, а не ваши.

– Нет, не в порядке. Ты тоже мой друг, крестный Авы. Ты как член семьи, и я не могу позволить себе закрыть на это глаза, даже если Сайла моя лучшая подруга и тоже важная часть моей семьи. Для меня, непозволительно, чтобы одни близкие люди для меня оскорбляли других, – голос звучит мягче. – Все будет у тебя хорошо, милый. Ты самый замечательный парень из всех, что я знаю, – тише она добавляет, – брату не говори только. Он будет ревновать. Какие планы на вечер после этой встречи?

– Слезливые мелодрамы двухтысячных, потом плавно перейти на дорамы, – загибаю пальцы. – И шлифануть все просмотром “Короля Льва”, сценой со смертью Муфасы.

Посмеявшись, она сбрасывает звонок. А я чувствую, как с плеч падает груз. В этом вся Алекс, она словно лучик света с тонной нежности и оптимизма, которые появились после по-

явления дочери в ее жизни. Хотя это не мешает ей оставаться строгой и жесткой в спортивной жизни и получать медали.

Я абсолютно точно никогда не забуду, как мы познакомились – мы подружились с Аароном в лагере и, уже прощаясь после него, его сбила с ног бойкая блондинка. На тот момент мне показалось, что это его девушка, которая была в другом отряде спортсменов, но реальность оказалась удивительнее – Алекса Дрейк, его сестра-близнец, маленький ураган, что спустя полчаса растопила мое сердце.

Это необычное русско-американское семейство стало очень близко мне за столько лет. И я абсолютно уверен, что именно поддержка Дрейков, как старших, так и младших, помогает мне справиться со сложностями, которые есть в моей жизни. Мои родители даже не удосужились запомнить, за какую команду я играю. Отец перестал звонить мне вовсе, когда я принял сторону сестры и ее решение уехать в Сиэтл.

А саму Слоан, с ее переезда, я видел всего пару раз. На игре в самом городе дождей. Я адски скучаю по ней. Когда-то мы были не разлей вода, Сло даже поступила в Бостонский университет, чтобы быть ближе ко мне. Как так получилось, что теперь нам сложно просто поговорить друг с другом?

Спустя два часа за рулем я наконец паркуюсь у дома. В сумерках он кажется особенно пустым. Швырнув вещи в прихожей, я выполняю обещание, данное Алекс, и отключаю мозг: падаю на диван и погружаюсь в кинематограф. После долгих мук выбора останавливаюсь на старом добром Луи де

Фюнесе – идеальное лекарство на вечер, когда тебя только что отшили. Это и правда лучшая терапия. Где-то после пятого фильма я перестаю считать их количество. Глаза слипаются, и под убаюкивающее бормотание с экрана я наконец проваливаюсь в сон. Но облегчения не случилось ни на йоту.

Просыпаюсь вымотанным и разбитым. Спасает лишь выходной, дававший возможность не светить недовольной рожей перед командой. Сочувствия товарищей мне для полного счастья точно не хватало. Хотя бы до вечера, до ночного перелета на очередной матч.

Я методично не обращаю внимания на тяжесть внутри, медленно убираю комнату и собираю дорожную сумку. Механическая работа заглушает расстройство, разочарование и тупую боль, впившуюся под ребра. Сентиментальный кретин. Как при такой чувствительности своей души я умудряюсь на льду быть тем, кто впечатывает соперников в борт?

К вечеру квартира блестела, в голове стояла непривычная тишина, а сумка у двери ждала вылета. И будущих побед. Да, это и есть лучшее лекарство для меня сейчас. Единственное, что работает безотказно.

Глава 7

Как же паршиво я играю. Даже не мог представить, что буду совершать такие глупые ошибки и мое время на льду сократят. Просто потому что от моей игры и так толку мало. Мне нужно сконцентрироваться. Неужели те слова так сильно смогли меня задеть? Бред. Никогда происходящее за пределами льда не влияло на мою игру так сильно.

Однако последние две игры я только и делаю, что ловлю штрафы и удаления. И ни одного, блять, гола.

– Райт, не облажайся, – буквально рычит мне на ухо тренер. – Нам чертовски нужна эта победа. Не давай СМИ еще больше поводов утопить тебя в грязи за последние три отвратительные игры.

Не дослушав, я перепрыгиваю через борт и мгновенно включаюсь в игру. Последний период игры против “Лас-Вегаса” и мы проигрываем всухую, на табло 3-0. Нам забили безумное количество раз, а “Нью-Йорк” уверенно держит планку по удалениям в этом матче.

Меня мгновенно начинают теснить, стоило мне получить шайбу. И также быстро лишают ее, впечатав в защитное ограждение. Защитник “Вегаса” довольно скалится мне прямо в ухо:

– Блондиночка, ты совсем не в форме, да?. К слову, как твоя сестренка?

Бросаю взгляд в сторону парня, и постепенно узнаю его. Мы также были соперниками в университете, и он также отпуская комментарии в сторону Слоан. И один раз попытался тронуть ее... Эта омерзительная улыбка, упоминание сестры и меня переклинило. Я со всей силы толкаю его в борт используя весь свой вес, за что получаю справедливое удаление до конца игры и ругань тренера в свой адрес. Нахрен все.

Наша черная полоса не планирует кончаться. Последние два года мы только и делаем, что барахтаемся, едва попадая в последний вагон плей-офф, и вылетаем сразу в одной восьмой финала. Черета неудач достигла апогея, когда мой напарник Джонсон выбыл.

Последние осенние дни стали жутко холодными и мокрыми. Я понимаю, что сезон меняется, только когда приходится надевать более теплые вещи, когда вижу пожухлую желто-коричневую листву по всему пригороду и редкий снег. У нас небольшая передышка: играем через день на разных стадионах, и один из двух свободных от матчей дней мы всей командой решили посвятить нашему другу, который сейчас может только болеть за нас.

Трэвис Джонсон, мой товарищ и наставник, что буквально вел меня с первого дня в "Рыцарях", делая первоклассного игрока, сейчас стоит перед нами, опираясь на трость, и улыбается команде, пришедшей навестить его. Джонсон не выглядит на свои сорок с небольшим, а кажется куда старше,

будто эта травма значительно состарила его. Замечаю глубокие морщины на смуглом лице, да и глаза будто не так ярко блестят, как когда он играл с нами на льду. Как все изменилось...

Невыносимо больно видеть его таким. И стыдно смотреть в глаза. Стыдно, что я стою на здоровых ногах и осознанно упускаю свои возможности, в то время как он не может играть. Я замираю, не могу перестать смотреть на травмированную ногу и трость, которая помогает ему передвигаться. Как лучший снайпер команды стал... таким? В голове не укладывается.

– Привет, парни, я думал совсем забыли про старика, – его взгляд скользит по нам и останавливается на мне. – Кто это у нас? Шонни Райт? Продолжаешь говорить гадости соперникам, да? Я все видел, не отнекивайся!

Он смеется и раскрывает руки для объятий. Кто я такой, чтобы от этого отказываться? Обхожу наших и крепко обнимаю Трэвиса. Черт, я реально скучал по этому парню. Чувствую, как он еще теснее прижимает к себе и хлопает по спине, ободряя на свой манер. Даже сейчас оказывает поддержку, тогда, когда сам в ней нуждается не меньше других.

С довольной ухмылкой Джонсон отстраняется и, аккуратно наступая на травмированную ногу, ведет нас вглубь дома. Супруги живут в пригороде Нью-Йорка, подальше от городского шума, и как сейчас помню Трэвис рассказывал о приобретении этого двухэтажного коттеджа, специально для

своей большой семьи, с тремя погодками-мальчишками, которых сегодня даже не видно. Хотя обычно Джош, Тим и Гарри большие любители потусоваться с нами, а Диксон буквально позволяет им висеть на себе.

Не заметить отсутствие такой шумной компании невозможно.

– Где мальчишки? – придерживая друга, помогаю ему дойти до гостиной. – Подозрительно тихо.

– Уехали, на пару недель.

Стейс громко командует кому куда садиться и где взять стулья, чтобы вся наша большая команда смогла успешно разместиться. Кто-то сел прямо на пол, как наименее скромные из нас Харпер и Тайсон.

Обычно, если спортсмен выбывает из-за травмы, он все равно участвует в жизни команды, помогает в разработке стратегии, поддерживает, будучи вне льда. Джонсону не повезло, он участвовать не мог. Взгляд невольно опускается на трость. Перелом шейки бедра, следствие многих лет тяжелой работы и перенапряжения, такой диагноз мы слышали вскоре после того, как его унесли с матча медики. Я знаю, что это лето было тяжелым для него, и очевидно тяжелее, чем для нас. Я знаю, потому что поддерживаю связь со Стейси, даже если не мог навещать друга.

– Я скоро вернусь на арену. Не на коньках, но наконец буду помогать за бортом, – ободряюще улыбнулся он. – Эй, Хейгер, – Трэвис бросил взгляд на новичка. – Ты классно

справляешься, с Райтом непросто, но вы хорошо сыгрались. А твой первый гол был просто великолепен!

– Как нога?

Я слышу нескрываемое беспокойство в тоне Эриксона, наш капитан все еще винит себя за травму своего игрока. Будто он мог среагировать, когда тот танк из “Техаса” на скорости впечатал нашего друга в ограждение, сломав ему бедро. Хоть это не было намеренно, игрок получил серьезный штраф, а мы потеряли лучшего нападающего в команде на долгое время.

– Я слез с костылей пару недель назад, и начинаю масштабировать тренировки, постепенно возвращая нагрузку. По прогнозам еще пара месяцев, чтобы не допустить рецидива. Сейчас я могу двигаться и собираюсь надоедать вам дома, – он смеется. – Думаю вернуться на лед в начале весны. Доберитесь для меня до плей-офф, чтобы я сыграл с вами, не облажайтесь, парни.

Со сторон раздаются смешки, заметно облегчение, с которым команда буквально выдохнула, услышав его слова. Стейс обнимает мужа за плечи и с теплотой смотрит на него и то, как он справляется, однозначно и ее заслуга. Я знаю, что именно жена ездила с ним по всем больницам, обследованиям и уверен, что именно Стейс держала его за руку, ободряя и поддерживая, когда он слушал диагнозы и прогнозы.

Не могу удержаться, чтобы не задержать взгляд на этой невероятной женщине, и одними губами я выдыхаю: “спа-

сибо”, когда она смотрит на меня. На что получаю теплую улыбку Стейс, она прекрасно понимает, за что я ей это сказал.

Я действительно боялся, что больше не увижу этого старика прежним. Было страшно, что мой наставник не выправится и не найдет в себе сил вернуться к хоккею.

– Я должен признать, что мне стыдно, что не было возможности приехать. Это звучит как гребанное оправдание, – нервно смеюсь.

– Нет, парень, вы пашете как кони ради нашей общей победы. Я видел расписание – чудо, что у вас вообще есть передышка сейчас. Все в порядке, – Трэвис неожиданно резко отвечает. – Я смотрел за каждой вашей игрой и знаю, что вы выкладывались на все сто, – он задерживает взгляд на мне и переводит на Стейс.

– Мальчики, умоляю, скажите, что вы голодные. Мне как сказали, что вся команда едет, я сделала пирог и рагу, – она смеется и уводит всех за собой в столовую, оставляя меня наедине со своим мужем.

Какое-то время мы сидим молча, слушая звон посуды и приборов с кухни. Трэвис внимательно смотрит на меня, играя пальцами на трости.

– Ну?

– Что?

– Шон, не притворяйся дураком, хреново выходит. Что случилось? Ты после “Вашингтона” еще несколько игр делал

тупейшие ошибки, которые не свойственны тебе. Мальчик, я тебя знаю уже сколько? Пять лет?

– Шесть, если быть точным.

Да, мы познакомились в мои двадцать два, когда меня только взяли в “Нью-Йорк Найтс”.

– Что случилось, Шон? Девушка?

– Старик, я не очень хочу обсуждать с тобой любовные проблемы, правда, – нервно смеюсь.

– Я помню ты рассказывал о девушке, которую встретил. Она? Хочу, чтобы ты меня услышал. Ты – превосходный хоккеист и парень с огромным сердцем. Я знаю, это ты помог Тайсону разобраться с проблемами в семье. Так что если кто-то не хочет разглядеть твои достоинства, если кто-то тебя ранил... Он просто тебя не заслуживает. – Он откинулся на спинку кресла. – До Стейси я встречался с одной девушкой почти восемь лет.

– Да ну?

– Ага. Мы уже готовились к свадьбе, я тогда как раз в "Торонто" играл. Угадай, что случилось?

– Изменила?

– Нет, парень. Она просто ушла. Сказала, что я не тот, кто ей нужен. А потом я встретил свою жену. Возможно, та девушка – просто не твой человек.

– Мой, – отвечаю с абсолютной, железной уверенностью, даже не задумываясь. – Старик, она мой человек. Я это чувствую всем нутром. Оттого и так... дерьмово.

Он внимательно смотрит на меня и, усмехнувшись, пытается встать, с чем я ему помогаю. Я не лукавил, я действительно абсолютно уверен, что Сайла Джостен человек, с которым я хочу быть. Настолько уверен в этом, что если не с ней, то черт возьми ни с кем я не собираюсь строить отношений.

В столовой Джонсонов шумно, Стейс носится вокруг стола, ставя все новые блюда, а самые молодые участники команды – тот же Джонни и еще несколько парней, имена которых я к своему стыду вечно забываю, активно помогают ей.

У моего наставника довольно большой, светлый дом, видно, что огромную работу по уюту проделала его жена, но и руку Джонсона я тоже отмечаю: в висящих фотографиях с матчей, клюшке на стене и победных шайбах, ставших частью композиции в столовой.

– Я вижу тебя в будущем капитаном или вице-капитаном “Рыцарей”, – довольно тихо произносит Трэвис, стоя со мной на пороге комнаты. – Подумай об этом на досуге.

– Трэв, я не...

– Ты можешь вести за собой людей, – он похлопал меня по плечу и повысил голос переключая внимание, – я чую как вкусно пахнет!

Замираю на пороге, смотря как он подходит к смеющейся жене и целует ее в щеку. Я капитан? Абсурд. Я командный игрок – да, но я не лидер, за мной не пойдут, и я не смогу вести. Мимо проходит Диксон, и за плечо ведет за стол к

остальным. Парни вовсю наслаждаются компанией, хорошей едой, и тем как бодро себя чувствует наш товарищ.

Мы полностью потеряли счет времени, веселясь, делясь самыми разными историями из своей жизни. Я, например, не знал, что наш хмурый вице-капитан буквально семь лет назад носил дреды. Белый парень, с рыжими дредами, это просто охренеть как смешно! Сейчас он выглядит как чертов Тормунд из “Игры престолов” с густой рыжей бородой.

– Итак, остались Райт и малыш Питч, – слегка опьяневший Эриксон указал бутылкой пива сначала на меня, потом на парня, который сейчас в запасе, он попал к нам на драфте с Хейгером, но пока у него не было возможности проявить себя. – Ваши истории. Все что угодно.

Мальчишка сдержанно улыбается, поправляя светлые волосы. Сколько ему? Двадцать? Он выглядит как школьник. Только под метр девяносто.

– Уступаю старшим, – он со смехом отсалютовал мне пивом, его скованность мгновенно куда-то испарилась.

– Говнюк. История, да? – откидываюсь на спинку стула и задумавшись делаю глоток из стеклянной бутылки. – Понятия не имею, что рассказывать, мне кажется вы все знаете. Нет?

– Мы знаем то, что ты позволяешь узнать, Шонни. Расскажи что-нибудь абсолютно неожиданное, – смеется капитан.

– Я знаю итальянский, немного русский, смотрю мелодрамы, обожаю искусство и музыку, а в моем гараже два бай-

ка, “Дукати” и “Кава”, черный и зеленый соответственно. За вас, – произношу словно скороговорку, поднимаю бутылку и снова делаю большой глоток пива.

Не скажу, что это моя самая большая откровенность перед командой за все годы. Уверен, что факт про мои байки они знают, как никак иногда с тренировки я уезжаю на Дукати, но мои увлечения кино, музыкой и искусством, которое не свойственно хоккеисту, это личное, да.

– Не знаю, что меня удивляет больше итальянский или мелодрамы, – хохочет Джонсон.

– Русский?

– Все знают, что твой лучший друг Дракон, тут к гадалке не ходи откуда знания. А не врешь ли насчет итальянского, а?

– Sapete tutto, bastardi⁶, – добродушно ворчу, буквально доказывая знание языка..

– Я знаю последнее слово! Ты нас ублюдками назвал!

По комнате прокатывается смех. По сравнению с тем, как мы пришли в дом и сейчас, мы заметно расслаблены. Даже тяжесть прошлых игр, синяки от ударов уже не так давят, когда мы сидим за одним большим столом и просто отдыхаем. Все вместе, одной командой, как делали кучу раз до травмы.

Команда часто собирается в гостях у разных игроков, просто отдохнуть в перерывах между матчами, поболтать и стать немного ближе. Мы не просто товарищи по команде, мы проводим огромное количество времени вместе и естествен-

но желание узнать людей, которые тебя окружают. Отсюда и встречи вне стадиона, часто семьями. И где-то в глубине души, я мечтал, чтобы однажды привести Сайлу и познакомиться самых близких мне людей с ней и ее с огромной частью моей жизни. Мечтал, потому что я романтик. И потому что реальность жестока.

– Совсем замечтался, парень, – меня треплют по волосам.

– Мне просто этого не хватало, если честно, – фыркаю себе под нос.

Когда пиво заканчивается, мы плавно переходим на чай. Трэвис спокойно рассказывает, как проходит его реабилитация – он до недавнего времени даже не был в Нью-Йорке, после операции они уехали загород и в спокойной обстановке он восстанавливается, с минимальными нагрузками. Сейчас тренера и наша мисс Линдт позволили ему увеличивать силу тренировок, о чем он нам с гордостью сообщает. Здорово будет увидеть его снова на арене, пусть и пока не на льду.

Уходим мы далеко за полночь, воодушевленные, получившие то, за чем даже не приходили, – силы играть дальше и бороться за место, ради нашего товарища.

– Он всегда такой?

– Джонсон? – поворачиваюсь к задумчивому Хейгеру. – Он сердце команды, поэтому мы так сдулись в прошлом сезоне. Его травма нас... сломила.

Парень понимающе кивает. Мы с небольшой частью команды прогулочным шагом шли по улицам пригорода Нью-

Йорка, не особо стремясь разрушать магию вечера и заказывать такси, чтобы отправиться по домам.

– Тебя тоже?

Хейгер нарушает возникшую тишину и снова смотрит на меня.

– Да, Джонни. Меня это подкосило особенно. Он играл со мной в связке до тебя, был моим наставником, учителем. Я правда болезненно воспринял его травму.

– Я рад, что он справился. Самое страшное, если бы он скатился в депрессию. А сейчас он готов возвращаться, даже если арена к нему не готова, – смеется Харпер, влезая в наш разговор.

Даже ночью тут безумно светло. Я живу ниже по реке, а здесь прямо видно как сияет Манхэттен и даже ширина Гудзона никак не спасает от такого яркого света. Нью-Йорк, город который никогда не спит, всегда шумный, бурный, и мы вынуждены подстраиваться под этот дикий ритм. Когда я только приехал сюда, именно Джонсон помог мне привыкнуть к тому темпу, который задает окружение. И он же дал мне совет: не стараться угнаться за чужим успехом, в то время, когда я смотрел за тем, как мои одноклассники, парни на драфте выбранные другими командами мгновенно взлетают. Это задевало. И только пару лет назад, я понял его слова. Многие из них уже не так круто играют, кто-то вообще вылетел из НХЛ или отправлен в фарм-клуб.

После сегодняшнего вечера я чувствую себя лучше. Мои

проблемы, ощущения после услышанного от девушки, которая мне до одури нравится, отступают на второй план. Слова моего старшего товарища, друга, который помог мне раньше чувствовать себя уверенно, играя за “Рыцарей”, и сейчас воодушевляют меня. Мне нужен был этот разговор, мне нужно было это время вместе с парнями вне арены.

И, хоть и несмотря на все это, встреча с Джонсоном была довольно болезненной. Тяжело видеть, когда парень, что ловко двигался рядом с тобой на льду год назад сейчас с трудом делает и шаг. Как одна травма просто выбивает игрока из ритма, заставляет терять уверенность в себе, своих возможностях. И бросает в дрожь от полного непонимания, что делать то в такой ситуации? Трэвису повезло – его жена, Стейс, и просто невероятная поддержка, которую она оказала ему, их дети, все это помогло встать на ноги. И черт возьми, как я рад видеть, что он справляется...

На телефон приходит короткое сообщение:

Трэвис Джонсон:

“Спасибо, что пришел, Шонни”

Глава 8

Пот течет градом по спине во время тренировки на беговой дорожке. Легкая разминка перед настоящими нагрузками. Я абсолютно не способен думать сейчас ни о чем кроме хоккея и... девушки, которая мне разбила сердце.

Каждый год мое существование буквально делится на период “жизнь” и “сезон”, как верно сказал Аарон. Я перестаю жить как только начинается регулярка и только и думаю, что о хоккее. В этом году случился сбой в моей системе ценностей – Сайла. Я начал теряться, искать встречи с ней, пытаться, не знаю, добиться ответа. А когда я получил отказ, это разбило меня. Да настолько, что даже Джонсон это заметил, будучи по ту сторону экрана.

Времени на отвлечение чертовски мало, редкие мероприятия, вроде светских вечеров и встреч с друзьями, – это все короткие передышки, которые случаются во время игр. У многих спортсменов есть семья, которая дает возможность отдохнуть, накопить силы для дальнейших игр. Я лишен такой роскоши. Я возвращаюсь в пустую квартиру, живу по расписанию “дом-арена-дом” и стараюсь не совершать глупостей.

Хотя одной я все же не смог избежать, как бы ни старался. У нее звучное ирландское имя, адский характер, и один ее вид заставляет меня улыбаться как полного дурака. Непро-

извольню ускоряю темп пробежки, и судя по всему лишние мысли ускоряют мой пульс. Начинаю бежать быстрее, разгоняясь, словно пытаюсь убежать от девушки в своих мыслях. Требуется полчаса безумной скорости, от которой болят легкие, а одежда промокает насквозь, чтобы понять одну простую мысль. Если я не могу выкинуть девушку из головы, не могу не думать о ней, то стоит попробовать использовать свои эмоции и мысли во благо команды. Мне верно сказали, я уже достаточно совершил ошибок под влиянием эмоций.

Этот выходной я решил посвятить еще одной важной части своей жизни, помимо хоккея и любви всей своей жизни. Если и начинать вести себя нормально на льду и вне его, то с этого.

Здесь, как всегда, до отвратительного пахнет медикаментами. Никогда к этому не привыкну. Я не люблю посещать больницы, они навевают мрачные мысли и вгоняют в депрессию, и заставляют вспоминать прошлое, которое стало причиной натянутых отношений с моей семьей.

Молодые медсестры в коридорах улыбаются мне, вряд ли узнав, но точно заметив симпатичную мордашку. Врачи-мужчины уже смотрят на меня с узнаванием, в их глазах я вижу переход от непонимания к узнаванию и я сдержанно улыбаюсь, пожимая руки.

Благодаря Майку у меня есть пропуск на территорию больницы, я могу спокойно в любой день приходить сюда и навещать его сына. Найти палату не доставляет труда, я здесь

бывал уже больше десятка раз и знаю дорогу буквально наизусть.

Уже несколько лет Саймон Брайт раз в полгода ложится в стационар в клинику и проходит курс лечения. Майк рассказывал, как однажды на матче он свалился на середине игры с приступом, после чего и выяснилось, что мальчишка страдает от астмы.

Тяжелая форма болезни спровоцированная физической нагрузкой и требующая пристального внимания. Именно такой диагноз поставили врачи. Саймону полностью переработали лечение, добавляя плановые визиты к докторам, добиваясь стабильной ремиссии, и мальчишка сможет вернуться в спорт. Его отец готов на все, чтобы помочь сыну справиться. Самое жуткое, что ребенок выглядит здоровым в покое, но любая пробежка может спровоцировать приступ удушья. Это не так очевидно как перелом, гематома.

Ребенок на койке не выглядит больным, он заливисто смеется болтая с другими ребятами. По сравнению с тем, каким он был пару лет назад – невероятный прогресс. Я знаю, что ему постепенно добавляют тренировки, составленные физиотерапевтом. Это нужно, чтобы его легкие окрепли и были готовы к нагрузкам бейсболиста.

Для меня эти визиты тоже как своего рода терапия, видеть как маленький человек борется за свое будущее... Это и мне не дает опустить руки и сдаться, когда что-то идет не по плану. Как это случилось с Сайлой.

Саймон настоящий маленький лидер, как не зайду вокруг него стайка мальчишек, которых он вовлекает в игры. Сегодня они по очереди играют в его планшете, не замечая меня.

Тихо стою в проходе и не мешаю, просто наблюдая за мальчишкой, который с яркой улыбкой смотрит за тем как его товарищи развлекаются. Мне нравится, что он не чувствует себя одиноко и каким-то не таким в больнице, что есть с кем пообщаться. Требуется несколько минут, чтобы Саймон заметил меня и со счастливым визгом бросается ко мне в объятия:

– Шон!

С улыбкой ловлю его и поднимаю на руки довольно тяжелого пацана. Парнишка обхватывает мою шею руками и улыбается, показывая пока еще неровные зубы. Выглядит таким счастливым и полным жизни, будто и не он вовсе постоянный гость больниц последние три года.

– Как твои дела, боец?

– Капельницы, осмотры и все в таком духе, – он небрежно пожимает плечами. – Не так интересно как у тебя. Я смотрел за игрой с “Вашингтоном”, папа относится к этому скептически, но я считаю ты хорошо боролся с ними! И следующая игра, ты так хорошо забивал!

Восторг младшего Брайта является лучшим лекарством. Мальчишка несмотря ни на что верит в меня, мою игру и поддерживает меня. Он буквально сияет, сидя в моих руках. Я отпускаю его с рук и иду с Саймоном к его друзьям, зна-

комиться. Они сидят с буквально отвисшими челюстями и будто боятся дышать.

– Привет, парни. Как у вас дела?

Выезжая от Саймона, я чувствую непривычную ясность в голове. Детская вера действует лучше любого допинга. Эта короткая передышка является моментом облегчения, который мне был нужен перед следующей чередой игр. По расписанию у нас дальше два матча подряд с “Колорадо” и после тренировки в зале я смотрю их последние игры. Я уже знаю против кого буду играть: старый товарищ, который раньше играл за “Рыцарей” но потом подписал контракт со “Штурмом” и уже несколько лет защищает их ворота. Успешно должен отметить.

Мэтью Кормак, талантливый засранец на пару лет старше меня. Мы крепко дружили в составе “Нью-Йорк Найтс” и я с удовольствием встречаюсь на матчах с ним. Даже играя в разных командах. Судя о тому, что на самой последней игре его не было, тренер явно дал ему отдохнуть перед двумя играми с нами. Наши матчи будут точно с Мэттью в составе.

Он круто ловит шайбы из самых необычных мест, но мы как его прошлая команда точно знаем его слабые места и конечно будем пользоваться этим преимуществом. Настоящая проблема это гребанный Сарто, понятия не имею откуда они выкопали этот раритет сорокалетний, но он в каждом матче этого сезона забил шайбу. А сейчас только начало декабря,

два месяца сезона позади.

Охренеть как время летит, будто только недавно мы играли первый матч, с “Питтсбургом”, а уже наступает декабрь. Мельком смотрю расписание игр, с “Колорадо” мы встречаемся сначала дома пятого декабря и уже седьмого, едва передохнув на их арене. Далее матчи идут каждый два три дня до конца месяца. Скоро сойду с ума от этого графика. Черт.

Уверен, что многие делают ставку на проигрыш в одну из этих игр. И не удивительно, будет сложно одного и того же соперника уделывать два раза подряд, без передышки. Завтра будет долгий разбор с тренерами и мощная подготовка к играм. Последние матчи, в том числе с “Чикаго” мы очень хреново показали себя, особенно я, что конечно подметил Джонсон и сейчас нам очень нужны эти две победы, чтобы подняться выше в турнирной таблице.

На мой телефон приходит очередное уведомление, от Трэвиса:

Трэвис Джонсон:

“Центральный парк, 6:30, возле теннисного центра”

Серьезно? Смотрю на часы и понимаю, что после вечерней тренировки хрен мне удастся поспать. В этом весь Джонсон, отдает указания без какого-либо пояснения. Почти уверен, что у него есть какой-то план, о котором мы узнаем в момент его реализации.

Мы всегда так работали, Трэвис давал мне точку и на месте я узнавал, что он от меня хочет. Это его стиль работы

– никакой подготовки, никакого предварительного анализа. Просто эффективные тренировки, которые поменяли нашу с ним игру.

Утром я быстро собираюсь, холодная погода заставляет надевать теплый спортивный костюм и встречаю друга в Центральном парке. Он тоже в спортивном костюме и ждет меня с моим новым напарником Джонни Хейгером. К моему удивлению остальной части команды нет. Вот и первый фокус старика Трэвиса Джонсона, это работа в паре.

– Это типа работа на командообразование?

Я пожимаю ладонь брюнету и смотрю на своего наставника, который чертовски довольно улыбается для того, кто только слез с кресла и костылей. Он явно пришел сюда не бегать, но гонять “молодежь” в виде меня и паренька, это видно по его лицу.

– С этим вы справляетесь и без меня, команда довольно крепка. А вот работу связок нужно улучшать, мальчишки. Ваша проблема не в том, что Джонатан младше и неопытнее, а в том, что вы не чувствуете игру друг друга. Вас поставили в пару, вы начали работать вместе, хорошо сыгрались, но на этом все. Вы партнеры, вы сука должны мысли читать друг друга, а сейчас это выходит хреново, – он довольно резким серьезным тоном обращается к нам, моментально убирая улыбку.

– Как близнецы?

– О, я знаю одних близнецов. Джонни, это жутко, не читай

мои мысли, прошу.

Он смеется в голос, и хлопает меня по плечу.

– Старик, я не хочу знать какое порно в твоей голове.

– Какой я старик?! Мне двадцать восемь, я молод и красив! – я возмущенно смотрю на хохочущего парня.

– Да-да.

Джонсон смотрит за нашей перепалкой с ухмылкой, скрестив руки на груди. Кажется именно этого он и добивается, чтобы мы начали разговаривать для начала. Так уж вышло, что Джонни слишком стремительно влетел в команду. Времени на адаптацию не было, мы все были подавлены, но нужно было учиться играть с кем-то новым. Поэтому я прекрасно понимаю, про что говорит Трэвис и чего он хочет добиться. Той же синергии, которая была у нас, и которая есть у связки Биггса и Тайсона, которых часто выпускают на лед вместе. Чтобы наша игра стала лучше, мы должны быть не просто товарищами, и хорошо играть вместе, мы должны понимать друг друга.

– Молодцы, а теперь на пробежку. Не волнуйтесь завтра ваше место займут Харпер и Питч, им предстоит много работать вместе во второй половине сезона. Разминка пять кругов вокруг озера, срезать шансов нет. Держите темп и все такое, вы сами знаете.

– Издеваешься? Ты видел его? Нам дальше на арену и там, не поверишь, тоже будет тренировка, – вскинув брови смотрю на него.

– Шесть кругов, Шонни, – он улыбается.

– Джонсон, ты падаешь в рейтинге моих друзей. Официально.

Вздыхаю и немного размявшись приступаю к пробежке. Рядом трусцой бежит Хейгер, завязав отросшие волосы в привычную пальмочку, что темными прядями торчит во все стороны.

– Он всегда такой, да?

– Всегда, он просто не хотел быть капитаном, оставаясь стратегом и ядром команды.

Я стараюсь говорить не перегружая дыхание, и стараюсь не давать холодному воздуху царапать мое горло и легкие.

– Поэтому, когда мы пришли в команду было так.

– Да, парень. Мы были на эмоциональном дне. И я рад, что мы из этого выбираемся. В том числе и благодаря тебе, и другим парням, которые начали играть с нами в этом году. Вы дали нам силы двигаться, – добродушно пихаю его в плечо, заставив парня улыбаться.

Я не лукавлю, действительно считаю, что во многом благодаря новым лицам, воодушевленным и увлеченным мы смогли успешно начать этот игровой сезон. Первый матч, если бы мы проиграли, боюсь, что дальше было бы хуже. А сейчас, даже несмотря на поражения, держимся и имеем шансы войти в тройку по дивизиону.

На улице только светает и если кого и видно в парке, то таких же безумцев, которые бегают по холоду или людей вы-

гуливающих собак. Всегда кажется, что Нью-Йорк никогда не спит. Нет оказывается и этот город засыпает, ненадолго, на небольшой промежуток времени между ночью и восходом солнца, когда лишь единичные люди встречаются на улицах. Джонни неплохо поддерживает мой темп и бежит рядом, хоть мне и казалось, что ему будет сложнее.

Мы бежим в одном темпе, пробегая несколько кругов по обозначенной Джонсоном территории, разогревая мышцы и постепенно просыпаясь. Он встречает нас на краю парка с секундомером в руках. Серьезно? Он еще следил за какое время мы пробегаем дистанцию? Судя по выражению его лица паршиво. Бросив взгляд на Хейгера, понимаю, что он думает о том же. При этом всем, Трэвис не говорит ни слова, молча разворачиваясь и направляясь на арену.

При том, что к тренировке присоединился Джонсон, в остальном она не меняется. Он молча наблюдает за нашей разминкой и раскаткой, не вмешиваясь. Трэвис даже звука не издает в сторону команды, а бросая взгляды в сторону тренеров, вижу, как он о чем-то тихо переговаривается с одним из них. Я знаю как действует Джонсон – какое-то время наблюдает за происходящим и только после этого начинает вносить изменения. Он куда опытнее многих игроков команды, и за “Нью-Йорк” играет даже дольше нашего капитана, не удивительно, что к нему прислушиваются.

Это была абсолютно стандартная тренировка, без жесткой разбивки и после уже был масштабный разбор, к которому

подключается и Джонсон по каждому игроку дав свою обратную связь по их действиям. Даже не обращал внимания, на такое количество недостатков нашей игры. Мы действительно столько деталей упускаем?

– Ваша игра крепкая, качественная, но сейчас становится предсказуемой, – опираясь на трость, он хватает маркер, рукавом вытирает все что начертил наш тренер по прошлому сопернику, и начал выводить схему на тактической доске. Он отмечает каждое наше направление действия и ставит жирные стрелки. – Ваша стратегия легко читаема, поэтому наших нападающих останавливают, а защитников обходят.

Дальше он поворачивается прямо ко мне.

– Шонни, ты получаешь шайбу на линии, – он тычет маркером в доску, поставив жирную точку, – и сразу мчишься на заброс. Все знают, что ты в основном бьешь напрямую. Попробуй изменить свое поведение, бери шайбу на том же месте, но иди не прямо, а через пас на Хейгера, который он вернет тебе у ворот. Они не успеют понять, что ты творишь. Это простейший финт, который не свойственен твоей тактике, если ты пасуешь, то чтобы забил другой, – он довольно усмехнулся. – Обмани их ожидания.

Мы с Джонни переглядываемся и ударяемся кулаками. Что ж, свежего взгляда старика нам не хватало, да, мы играем в связке, но не доводим нашу комбинацию до совершенства. Дальше мы молча сидим и слушаем наблюдения нашего травмированного игрока, он замечает каждый из недоче-

тов нашей игры, из-за которых мы теряем в очках.

– Эй, Трэвис, – бросает ему Эриксон.

– Да, парень?

– Где ты черт возьми был раньше?

Следующие недели Джонсон смотрит за нашими играми на домашней арене. Он не может выйти на лед, но сидит у борта, в нужные моменты подсказывая, что нужно делать здесь и сейчас. Это помогает нам победить, практически всухую. Впервые с начала года у нас победная серия из четырех игр. Он буквально заново учит нас видеть лед, разбирая с нами каждую игру досконально, не так как это делают тренера.

Я встречаю Трэвиса на льду, после очередной тренировки. Он держится осторожно, своей клюшкой отправляя шайбы в пустые ворота. Судя по их количеству, старик здесь довольно давно.

– И долго ждешь?

– Понятия не имею. Который час?

Он с улыбкой поворачивается ко мне и хватается за борт пальцами, не давая себе упасть. Прямо в кроссовках залетаю на лед, придерживая Джонсона. Он цепляется за меня со смехом, удерживая равновесие. Зная своего наставника, он хрен признает, что ему помощь нужна. Вывожу его со льда и помогаю сесть на скамью.

– Где трость?

– В жопу ее. И так дойду.

– Трэв.

Он отмахивается и устраивается на скамье.

– Ты мне вот что скажи. Как ты себя чувствуешь? Ты неплохо держался последние игры.

Вопрос застигает врасплох. Трэвис внимательно смотрит прямо на меня, сложив руки на коленях.

– Нормально.

– И только?

– Я... учусь, – осторожно произношу, подбирая слова. – Как оказалось, люди типо меня очень болезненно относятся к выпадам в свой адрес. Знаешь, – делаю небольшую паузу. – Я никогда не реагировал на слова СМИ в свою сторону, однако болезненно воспринимаю любые высказывания в сторону семьи. Но такого, никогда не было. Почему слова этой девушки заставили так потерять контроль над происходящим?

– Потому что так с тобой поступил человек, на которого тебе не плевать, парень. Поэтому тебе требуется время, чтобы с этим справиться. И люди, которые готовы тебя поддержать.

Он сжимает мое плечо, ободряя.

– Я рад, что ты нашел в себе силы справиться с этим. Серьезно. Твоя игра против "Лас-Вегаса" просто фиаско, но дальше стало лучше.

– Ты помог, если честно. Я подумал, ты не сдался после травмы, держишься и не теряешь контроль, так какого хера

я веду себя словно идиот, подставляя свою команду.

Пожимаю плечами, крутя в пальцах клюшку. Лед уже начинают чистить после тренировки, готовясь снова сделать его глянцевым, стирая все следы коньков на поверхности. Персонал убирает шайбы, пока мы сидим в стороне и разговариваем по душам.

– Раз ты об этом подумал, то уже не идиот, черт, курить охота. Пойдем.

Трость Трэвиса находится неподалеку, он встает, опираясь на нее, и идет с арены на выход. Мы скидываем инвентарь и по пути забираем вещи. На улице Джонсон практически сразу сворачивает в укромный уголок и достает пачку сигарет, вопросительно смотря на меня. Со вздохом протягиваю ему зажигалку. У самого нет желания сейчас курить вообще. Сделав первую затяжку, он с облегчением выдыхает дым.

– Следующий матч против "Драконов".

– Да, я в курсе.

– В этом году ты не позволишь даже Дракону себя остановить. Или я зря вернулся? – меня потрепали по волосам, пользуясь небольшой разницей в росте.

Да, действительно дальше мы играем против команды моего лучшего друга. И для меня это особенная игра, некая традиция, что мы обязаны выйти на лед против друг друга и выложиться на полную, показать новые фишки игры, которых не было в прошлом году. И поддержать любимую мно-

гими историю нашей дружбы. По классике после нас ждет интервью, на котором тренера дают нам поговорить с журналистами о длительном пути нашего соперничества, дружбы, во время которого мы ни разу не сыграли в одной команде.

Эти матчи примечательны еще тем, что мы выигрываем с переменным успехом. Он классный защитник, и у "Джерси" непревзойденные нападающие, которые круто играют в большинстве и довольно часто забивают, пользуясь этим. А у нас один из лучших вратарей НХЛ и... Джонсон, который выбыл. Черт.

– Мы должны утереть им нос, да? Приличия ради стоит Аарону почувствовать себя неловко, – усмехаюсь, забирая у друга сигарету и тоже закуривая.

Глава 9

Перед игрой в соседнем штате всей командой мы отправляемся на однодневный отдых. Пожарить мяса, попить пива и один вечер не вспоминать, что мы профессиональные спортсмены. Завтра все равно будет сложная игра против команды, которая стабильно весь этот сезон держится в топ-5 по дивизиону. А сегодня мы просто сидим на крытой террасе дома нашего капитана, болтаем с семьей Марка и наслаждаемся всем.

Сегодня, в отличие от времени в доме Джонсонов, нам составляет компанию и жена Эриксона Лидия и его карапузы, Дикон и Нейт. Мальчишки словно копии собственного отца, только младше. Им сейчас пять и семь лет, и они безумно любят хоккей, а особенно игру отца. Их просто от нас не оттащить, и на второй час Лидия просто сдалась. Младший, Нейт, с непослушной копной темных волос, например, облюбывал меня, и не слезает с моих колен, практически загнув у меня в шезлонге.

– Шон, малыш не мешает? – осторожно интересуется Лидия, наклонившись ко мне.

– Все в порядке, Ли, сама отдохни от этих сорванцов.

Она тепло улыбается и уносит на кухню пустые тарелки, по пути потрепав по волосам сонного сына у меня на руках. Мальчишка уютно устроился, слушая рассказы своего отца

и его сокомандников о каких-то забавных историях из прошлого, о наших играх и окончательно засыпает.

Я его прекрасно понимаю, атмосфера вечера здорово расслабляет.

– Ты точно как старый дед, детей привлекаешь, Райт.

– Джонни, завидно? – подмигиваю парню. – Ну ничего, малыш, и до тебя дойдет всеобщая любовь публики от мала до велика.

Первым смеется сам капитан, за ним хохотать начали и остальные игроки. А я просто довольно улыбаюсь, придерживая мальчишку на руках. В отличие от Хейгера, которого только-только начинают замечать журналисты, я был в центре внимания со студенчества. Мне создали образ милашки со светлыми кудрями, которому будто не место в суровом мужском спорте. Нет, конечно, ко мне и так относились как к некому недоразумению, когда я только начал профессионально заниматься хоккеем. Пришлось переубеждать... Так сказать жестко и радикально.

Задерживаю взгляд на Хейгере. Он довольно неплохо играл в юношеской лиге, но без особых успехов, пока не попал во взрослую команду к нам. Сейчас, даже после стольких матчей, он еще темная лошадка в НХЛ, и для соперника он неизвестный игрок. Однако, как и наш тренер, Джонсон, я начинаю видеть в нем невероятный потенциал. Он переплюнет меня и станет звездным игроком буквально в первые годы игры в лиге, побив мой рекорд.

– Как давно ты набил это?

Чуть не выругался от неожиданности. Возле меня неожиданно оказывается Джонсон и я готов поклясться, что его тут не было. Откинувшись на спинку шезлонга рядом со мной, он крутил в пальцах сигарету и смотрит на мое предплечье, где виднелся рисунок черно-белой волны закованный в линии, как на чертеже.

– Летом, в Лос-Анджелесе.

Он молча хмыкает, беря сигарету в зубы.

– Думаешь о том кем станет Джонатан?

– Не вздумай закурить при мальчишке, – предупреждающе ворчу, пока сын Эриксона сопит в моих руках.

– Так что?

– Почему ты зовешь его полным именем? – задаю встречный вопрос и смотрю на друга.

– Потому что нравится так, – он фыркает, показав язык.

Задумавшись, я переложил ребенка в шезлонг. Потягиваюсь и отхожу на улицу, замечаю как за мной следом уходит и Трэвис.

– Я подумал о том, что у него большое будущее, да. Но не все это видят. И мне потребовалось время, чтобы понять, что мальчишка выдающийся талант. Первые наши с ним игры были отстой, ты знал? Он едва справлялся выходя на лед и я удивлен, что он не падал в обморок, – усмехаюсь. – Но спустя несколько матчей регулярки, я увидел на что Джонни может быть способен. И хочу, чтобы ты помог ему так же как и мне

стать крутым нападающим и героем нашей команды.

Трэвис смеется, выдыхая сигаретный дым.

– Нет, Шон, я не собираюсь этого делать и тратить свое время зря.

Замираю и с откровенным возмущением смотрю на старика. Что значит он не будет это делать? Я его прошу помочь парню развить его талант и вывести его игру на новый уровень. Звучит так, будто я ошибочно воспринял его раннее отношение и попытку вытянуть нашу совместную игру с Джоном, как то, что Трэвис видит потенциал в пареньке.

Я закипаю мгновенно, хватая его за ворот и прижимая к стене.

– Какого хера, старик? Я тебя по-человечески прошу.

– Я не буду этого делать, потому что ты уже это делаешь. Ты большой авторитет для Джонатана Хейгера, чем я. Мне нет смысла в это лезть и портить твой прогресс. Считай он твой протеже. Как и положено звездному игроку, ты заработал себе ученика раньше других. Гордись.

Резко отпускаю друга и делаю шаг назад:

– Смешно. Какой из меня наставник, – фыркаю, закуривая. Да, с таким разговором мне точно не помешает никотин.

Нет, серьезно. Я как наставник полный провал. Кому вообще пришла в голову идея, что я могу кого-то курировать и вести за собой? Недовольно ругаюсь и облакачиваюсь на стену рядом с Трэвисом. Мне нравится играть в хоккей, и чувствовать себя частью команды. Но мне сложно предста-

вить, что я способен на большее. Я смотрю на Джонсона, наставника с большой буквы, человека, буквально создавшего того Шона Райта, которым я являюсь.

– Если научишься отрываться от хоккея и видеть что-то за пределами площадки – из тебя выйдет первоклассный учитель.

– погоди. Только что ты назвал меня хорошим наставником для Хейгера, а теперь говоришь, что я хреновый? Явное противоречие.

– Я сказал, что у тебя есть протеже. Но это не делает тебя настоящим ментором. Настоящий учитель – это не тот, кто просто умеет забивать шайбы. А тот, кто может научить... ну, скажем, жизни.

Понимающе киваю, к своей досаде я прекрасно понимаю о чем он говорит.

– Как ты. Я у тебя научился не только игре. Ты показал, как гасить конфликты в раздевалке, как не вестись на провокации прессы... и как переключаться, когда выходишь со льда.

– Вот последним, кстати, ты так и не научился пользоваться, – он с заметным разочарованием вздыхает, выпуская дым.

– Да, не научился, – мрачно соглашаюсь я.

– В этом и проблема. Пока твои интересы на 90% – хоккей, ты не сможешь стать для него тем, кем был я для тебя. Ты не научишь его жизни за пределами льда. А это не менее

ценно, чем хоккей. Хороший игрок, тот который имеет баланс.

– Говоришь как чертов проповедник. Отпусти грехи, отче, я был хорошим в этом году.

Ловлю подзатыльник, и улыбаюсь, сжимая в губах сигарету.

– Богохульник сраный, я тебе ладан в задницу засуну, – ворчит друг, скрестив на груди руки.

Шире улыбаюсь, почти роняя сигарету и начинаю хохотать, вовремя взяв ее в пальцы. Меня буквально сложило пополам от смеха. Я мгновенно представляю Джонсона в одеянии католического священника, который с серьезным видом выслушивает боли нашей команды. А ему идет. По сути этим он и занимается. Слушает нас, помогает решить проблемы в наших головах и этим помогает укрепить нашу игру.

– Отныне я зову тебя только отец Джонсон, боже. Я знаю, что подарить тебе на Рождество.

– Лучший подарок – мозги, твои и в твоей черепной коробке, которыми ты наконец начнешь пользоваться и слушать, что тебе говорят старшие.

– Не, это не интересно, – снова упираюсь спиной в камень и с улыбкой выдыхаю дым, успевая сделать последнюю затяжку, прежде чем от сигареты останется один только фильтр.

– А если серьезно, мое желание на Рождество, чтобы ты увидел дальше своего носа.

– Старик, у меня есть хобби и увлечения, я не псих.

– О да, как часто ты о них вспоминаешь? Только честно, парень.

– О байке я помню каждый день, – довольно улыбаюсь. – Летом чаще, осенью реже.

– Шон.

Он смотрит на меня чертовски серьезным взглядом, как отец на провинившегося ребенка, и я не могу удержаться от тяжелого вздоха. Я прекрасно понимаю к чему он клонит. К тому же о чем постоянно твердит Дрейк – во время сезона жизнь не встает на паузу, я также имею право на отдых, на увлечения. И я устал это слышать из раза в раз, потому что ничего не могу сделать со своими привычками.

– Я тебя услышал. Попробую не заикливаться свою жизнь вокруг хоккея. Окей?

Удовлетворенно кивнув, старик тушит сигарету и, похлопав меня по плечу, уходит обратно к команде на застекленную террасу. Я же еще какое-то время стою за домом и курю, собираясь с мыслями. Завтра матч против моего друга.

Кажется будто я моргнул и бац на арене. Мы отыграли первые пятнадцать минут и пока ведем в счете. Наши парни свежи как огурчики, и это заметно по качеству нашей игры, хотя крики за спинами остаются неизменны. За скамьей стоят тренера и Джонсон, это первая выездная игра на которой он присутствует, хоть еще и не в форме. Трэвис вниматель-

нее других следит за происходящим и тем, кто возвращается на скамью мгновенно дает свои комментарии. Это дает нам возможность мгновенно вносить коррективы в план действия на льду, подстраиваться под

– Хорошо идете, парни, – он наклоняется к нам с Хейгером. – Две шайбы ваши, осталось не пустить их к нашим воротам.

– Дракон просто зверь, я понимаю, почему его так зовут. Он как сранная ящерица, которая охраняет замок, ну в его случае ворота. И это твой лучший друг?! – Хейгер не скрывает своего шока, и я лишь сдержанно улыбаюсь.

Да, Аарон настоящая заноза в заднице как противник – он невероятный защитник и играть против него... Ну, болезненно. Однако его товарищ, кажется его зовут Шасс, просто чудовищен. Этот парень слишком любит силовые к месту и не очень.

– Осторожнее с двадцать восьмым, Джонни. Не дай зажать себя у борта, иначе целым ты не выйдешь.

Я не отвожу взгляда от этого парня на льду, и готовлюсь к тому, чтобы выскочить против него. Стоило тренеру дать отмашку, как я перемахнул через ограждение в момент включаясь в игру. В глазах рябит от разноцветной формы, но мое внимание сконцентрировано на одной черной точке на белоснежной поверхности, к которой бросаюсь сломя голову.

Вижу Дрейка, что безуспешно пытается меня остановить и улыбаюсь ему, проскальзывая мимо. Прости, парень, сего-

дня я планирую победить. Тянусь клюшкой к шайбе... Еще немного и подцеплю ее.

Блять! Мимо. Ее уводят у меня из-под носа и мчатся к нашим воротам. Обходя наших защитников, будто их и нет вовсе. У меня даже нет мгновения на анализ, мчусь наперерез, пытаюсь выбить ее из клюшки форварда, и снова не достигаюсь, моя клюшка все дальше и дальше от шайбы, которая летит прямо в нашу сетку.

От шайбы меня отвлек защитник “Драконов”, я чувствую как в мое тело впечатывается массивная фигура в белой форме. Ни мгновения подготовиться к удару, как-то снизить урон, я просто отлетаю в борт, прокусывая губу, пытаюсь заглушить вскрик от пронзившей тело резкой боли от столкновения.

Я слышу отчетливый хруст. Хруст?

Се

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.